

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

16+

ЕЁ
НОВУЮ
ПРОБЛЕМУ
ЗОВУТ

Робби

ROBBIE

Х.Е. ХЕЛЬГА ПЕТЕРСОН

Хельга Петерсон

Робби

«Автор»

2019

Петерсон Х.

Робби / Х. Петерсон — «Автор», 2019

Лиззи двадцать шесть. Она уволилась из юридической фирмы, покрасилась в розовый, купила ботинки с заклепками и начала заниматься фотографией. В её жизни нет романтики. Все парни, которые появляются на горизонте — это чужие женихи на свадебных фотосессиях. И Лиз вполне устраивает такое положение дел...А вот её маму — нет. Если мама хочет ребёнку счастья, её не остановить. Если она хочет найти дочери "мальчика", то обязательно найдёт. И неважно, хочет ли этого сама Лиз.Её не спрашивали.Её новую проблему зовут Робби.

© Петерсон Х., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Хельга Петерсон

Робби

Глава 1

Капли дождя били в стёкла автобуса и быстро слетали, уносимые ветром. Серое октябрьское небо намекало, что солнечных лучей жители Англии дождутся не слишком скоро. В марте. А пока можно переходить на витамин D в капсулах и растворах.

Автобус «Бристоль-Кливдон» монотонно гудел, вгоняя в лёгкую дрему. Этот звук был слышен даже через наушники, он вмешивался в медленную песню, создавая характерный фон. Элизабет прислонилась лбом к стеклу и вздохнула. Как ни странно, она всегда любила автобусы и поезда. Особенно, если предстояла долгая поездка. В это время можно заткнуть уши и поспать. Редкий приятный момент. Лиззи катастрофически не хватало сна, поэтому поездок на дальние расстояния она ждала с предвкушением. Даже если «дальними» считались каких-то пятнадцать миль.

Белая разметка на асфальте сливалась в одну линию. От этого мельтешения веки отяжелели и медленно опустились. Сквозь гитарный перебор раздался резкий хлопок. Лиз мгновенно распахнула глаза, сердце пропустило удар и провалилось в желудок. Автобус тут же мотнуло в сторону, прозвучал скрежет тормозов, Элизабет впечаталась лицом в стекло, и её сразу же отбросило на спинку сиденья. И всё стихло.

Что за чёрт?

Выдернув из ушей наушники, Лиз потёрла правый висок и скулу. Если останется синяк, придётся долго объясняться с родителями. Осторожно, как сурикат, она выглянула из-за спинки противоположного кресла и посмотрела по сторонам.

– Все живы? – прозвучал взволнованный голос водителя.

Он настороженно осматривал салон, в ответ по автобусу прокатился недовольный ропот.

– Какого хрена? – выкрикнул белобрысый толстяк, сидящий по левую сторону прохода. Его живот, похоже, не позволил ему как следует прочувствовать шторм.

– Кажется, колесо лопнуло, – прозвучал ещё один голос.

– Давайте не будем паниковать!

– А кто паникует?

– Тихо! – перекричал всех водитель. – Сохраняйте спокойствие, я сейчас приду.

Он открыл дверь и вышел в дождь. Лиззи тяжело вздохнула, закрыла глаза, упала назад на мягкую обивку. Просто прекрасная кульминация этого чёртового дня! Может, дальше неприятности пойдут на спад? Сначала Лиз проспала, опоздала на встречу с заказчиками, долго извинялась и пришлось пообещать бешеную скидку на услуги. Заказчики не уложились по времени, и Элизабет опоздала на предыдущий автобус. Проезжающая мимо машина обрызгала ей ноги до колен. И как пик счастья – следующий по времени автобус, в который Лиззи запрыгнула почти на ходу, сломался посреди трассы М5. А с неба льётся вода. Ну не прелесть?

Водитель вернулся в автобус спустя минуту, с его темных с проседью волос стекали ручейки.

– Лопнуло, – подтвердил он непонятно кому. – Я позвонил на станцию, но неизвестно, когда приедет другой автобус. Все заняты.

И снова недовольный ропот прокатился над спинками кресел.

– И что нам делать?

– Я опаздываю, у меня дантист в три!

– Полечишь зубы в другой раз, Фанни.

– Но я с трудом записалась!

– Пожалуйста, перестаньте, – попытался вмешаться водитель. – Нам еще повезло. Лопнуло заднее. Если бы переднее, мы бы уже сделали сальто.

Гул и ропот стихли. Очевидно, все пассажиры представили сальто. По крайней мере, Элизабет представила. В красках. И тут же вздрогнула.

– Так что, дамочка, сядьте и ждите, – поставил точку водитель и царственно опустился на своё место.

Первая волна шока прошла очень быстро, и снова полетели ропот, шепотки, тихое возмущение. Невозможно ожидать, что люди и правда оценят счастье жизни. Никто не видел ничего радостного в том, что лопнуло заднее колесо. Всех захлестнул факт простоя на дороге в промозглый осенний день. Элизабет тоже недолго просидела с чувством облегчения. Её в очередной раз за сегодня накрыло чувство безысходности.

Она непростительно опоздала. И опоздает еще непростительнее, если будет сидеть и ждать помощи. У Марго день рождения, мама просила приехать пораньше, но, как обычно, всё шло не так. Вряд ли оправдания в виде лопнувшего колеса будет достаточно.

Лиззи снова тяжело вздохнула. Она вынула из объёмного рюкзака резинку для волос, собрала розовые пряди и связала в короткий хвост. Набросила на голову капюшон чёрной парки и встала со своего места. Продвигаясь по проходу к выходу, Лиз с тоской смотрела на свои мокрые до колена ноги.

Что ж. Пора, очевидно, соблюсти равновесие – намокнуть полностью.

– Ты куда? – хмуро спросил водитель, когда Элизабет оказалась возле двери.

– Откройте, я пойду пешком, – пробурчала она в ответ.

– Десять миль?

– Угу.

Брови водителя переместились на лоб.

– В дождь?

– Угу.

– Ты ненормальная?

Лиззи закатила глаза. Какое ему дело?

– Что-то вроде того.

Аргумент оказался неоспоримым. Мужчина сощурился, впился в Элизабет долгим изучающим взглядом, внимательно осмотрел капюшон, вроде как непромокаемую парку, джинсы, тёмные от воды ниже колен, и рифлёные ботинки с множеством заклёпок, замков и цепей. Лиз было всё равно, что он подумает. Она молча ждала, когда он нажмёт на кнопку и впустит в салон холодный воздух. Примерно через полминуты водитель так и поступил. Глядя Лиззи в лицо, он потянулся к панели и открыл дверь.

– Спасибо, – пробормотала Лиз, развернулась и соскочила со ступенек.

Прежде, чем дверь снова закрылась, в спину полетело замечательное: «Маленькая дурочка».

– Не такая уж и маленькая, – прошептала Лиззи теперь уже сама себе.

Она поправила на плечах массивный рюкзак, спрятала руки в глубокие карманы куртки и побрела в сторону Кливдона.

Парка оказалась непромокаемой до определенного момента. Примерно через милю сырость проникла под ткань, к толстому тёплому джемперу. Элизабет быстро шла вперед, выпростав в сторону руку с поднятым вверх большим пальцем, но за милю пути никто так и не остановился. Что за люди? Неужели не жалко одинокую бредущую фигурку с рюкзаком наперевес?

Дождь не усилился, и это хорошо. Если бы он перерос в ливень, ситуация выглядела бы куда плачевнее. Хотя и так весёлого мало. Лиз проклинала этот день. Почему её сестра вздумала родиться именно сегодня? Почему именно сегодня будильник не сработал, а заказчики оказались очень разговорчивыми? Нельзя было выбрать хотя бы день без дождя?

Рука устала и начинала ныть от постоянного нахождения на весу. Волосы под капюшоном растрепались. Элизабет остановилась, резко опустила руку вниз, потрясла, и та от сброшенного напряжения начала мелко дрожать. Стянув с головы капюшон, Лиззи сняла резинку, потрянула головой, стала снова собирать розовые волосы. Мама будет не в восторге. Легко представить, что она скажет про эту прихоть.

«Лиззи, милая, разве помощники юристов могут красить волосы в такой цвет? А что за ботинки? Разве у тебя на работе нет дресс-кода?»

Дресс-код был.

И бледно-розовые волосы – не то, что хотят видеть в юридической фирме. Но мама об этом не узнает.

На горизонте показалось тёмное пятно. Машина. Элизабет в очередной раз подскочила к краю проезжей части и выбросила руку с поднятым большим пальцем. На самом деле она уже не слишком рассчитывала на успех. Машин почему-то было немного, все куда-то спешили, на одинокого путешественника никто не обращал внимания. Чёрная «тойота»-пикап не стала исключением. Автомобиль промчался мимо, брызнув грязным фонтаном из-под колёс.

Ну конечно.

– Твою мать...

Лиз опустила руку, спрятала её в карман и развернулась на пятках, чтобы продолжить движение. И осталась стоять на месте, не веря своим глазам. Чёрный пикап прижался к обочине и медленно сдавал назад. Да не может быть! Схватившись за лямки рюкзака, Элизабет сорвалась с места и побежала навстречу пятящейся «тойоте».

Оказавшись рядом с пассажирской дверью, Лиз припала к опустившемуся стеклу и всунула голову в салон.

– Куда идёшь? – вырвался ей навстречу густой баритон.

Элизабет моргнула, привыкая к полумраку, и тут же отпрянула от двери. На неё с любопытством смотрели синие глаза. Под густыми медными бровями. На суровом лице, половина которого пряталась в короткой медной бороде. Ниже бороды виднелось массивное тело в чёрной куртке с капюшоном, отороченным искусственным мехом. Выше бороды – серая шапка крупной вязки.

Канадский лесоруб.

Из всех людей остановиться решил угрожающе большой, бородатый парень, напоминающий канадского лесоруба. Элизабет украдкой осмотрела салон. Взгляд поймал валяющиеся на сиденье жестяные банки, смятые салфетки на передней панели, а под зеркалом – жёлтый освежитель воздуха. В форме таблички, какие вешают на дверные ручки в отелях. Надпись на нём сообщала: «Секс на борту».

Лиз нервно сглотнула.

– Э-э, – протянула она, переведя взгляд на синие глаза, которые всё ещё с любопытством её рассматривали. – Никуда. Я, наверное, пойду дальше.

«Лесоруб» звучно хохотнул и развернулся на сиденье, являя взору размах плеч примерно в три фута.

– Расслабься, – весело бросил парень. – Можешь сфотографировать номера и отправить подруге. Я подожду.

Он ещё и прикалывается? Отличная ситуация, просто отличная. Но в этой шутке есть доля здравого смысла. Лиззи безнадежно посмотрела по сторонам: несколько машин проехали мимо, и трасса снова опустела. Ждать следующего альтруиста можно до старости. Бросив ещё

один настороженный взгляд на рыжую бороду, Лиз обошла машину и встала возле капота. Достав мобильник озябшими руками, она быстро навела камеру на номерной знак, сфотографировала, отправила фото единственной подружке в Кливдоне.

14:02. Лиз: «Если меня убили, виноват владелец пикапа (фото).»

Буквально через пять секунд пришёл ответ:

14:03. Пэт: «Как скажешь.»

Лиззи мимолётно ухмыльнулась, спрятала телефон и двинулась к пассажирской двери. Открыв её, снова неуверенно застыла на месте.

– Чёрт, – ругнулся парень.

Он наклонился в сторону, одним махом сбросил с кресла на пол жестяные банки и снова сел ровно, ужасно довольный собой.

– Так куда едем? – повторил он.

В этот момент Лиззи заметила в уголке его нижней губы тонкое колечко пирсинга. Класс. Боже, помоги! Вся надежда на Пэт. Если что-то случится – никто не спасёт, но Пэт будет знать номера машины, и кого нужно обвинять в пропаже невинной жертвы.

– Кливдон, – мрачно сообщила Элизабет, подняв ногу в мокрых джинсах и поставив её на коврик, среди коробок от фастфуда и банок из-под газировки.

– Какое совпадение, – прогудел парень.

Лиз хлопнула дверью, и рыжий «лесоруб» резко дал по газам, даже не потрудившись включить поворот.

Щетки смахивали дождевые капли с лобового стекла «тойоты». Трасса М5 тянулась бесконечным серым полотном. По радио «Металлика» вещала, что «остальное неважно», и от этого бормотания клонило в сон. Роберт вынул из подставки картонный стакан, сделал маленький глоток кофе, поставил стакан назад и поёрзал серой шапкой-бини по лбу. Он несколько раз нажал на кнопку, переключая радиостанции, но ничего лучше не нашёл, поэтому вернулся к «Металлике». К счастью, баллада перешла от «усыпляющей» части к гитарному запису.

Мама снова попросила приехать. Она делала это почти каждые выходные. Робби был не против. После того, как отец нашёл «свою истинную любовь» и ушёл к ней, матушка стала особо чувствительной и ранимой. И беспомощной. В доме постоянно что-то ломалось, картины падали со стен, краны начинали брызгаться водой, и Роберт был первым, чей номер набирала мама. Про ремонтные службы она даже не думала. А Робби и не намекал. Он подозревал, что матери просто скучно одной, и не пытался ей противостоять. Ей и так досталось из-за развода.

Кофе, купленный на заправке, уже остыл. Девушка слева от Роба молчала, вжавшись в кресло и обняв массивный чёрный рюкзак. Смотрела она исключительно вперед. В сторону Роберта не проскочил ни один косой взгляд. Пепельно-розовая прядь выбилась из неряшливого хвоста, но девушка не убрала её с лица, продолжая сидеть, как каменная. Неужели он наводит такой ужас?

– Я не собираюсь тебя насиловать, – сообщил Роб, когда песня закончилась и наступила секунда тишины.

Девушка заметно вздрогнула, но голову не повернула.

– Спасибо, – пробормотала она после паузы.

«Спасибо». Интересный ответ. Роберта так и подмывало ответить: «Обращайся», но он тактично промолчал. Хмыкнув, он снова приложил ладонь к шапке и поёрзал ею по лбу, сдвинув до линии роста волос. Интересная девица, забавная, а рюкзак занимает треть её самой.

Собак, котов и морских свинок Робу приходилось спасать постоянно, но до людей дело не доходило. Хотя нет, был один случай, когда пришлось вытянуть бывшую одноклассницу из пьяной компании, но это не считается.

– В рюкзаке ты прячешь головы врагов? – спросил Роб, глядя на дорогу.

Девчонка еще крепче сжала свою массивную ношу.

– Я фотограф. Мне нужно носить оборудование.

На фотографа она похожа. Такая, какой сразу представляешь себе типичную творческую личность.

– М-м, – понятиливо протянул Роберт. – А как оказалась на дороге?

Девушка поёжилась, обняла себя за плечи. Он уловил её движение. Как до него раньше не дошло, что она промокла насквозь и замерзает? Роб потянулся вперед и увеличил обогрев салона.

– У автобуса лопнула шина, – тихо сказала девушка, наконец, бросив на Роберта взгляд исподлобья. – Я не стала ждать следующего.

– Тот, что стоит на обочине недалеко от Портбери? – вскинул брови он.

Она робко вытянула руки к вентилятору, выпускающему тёплый воздух, и повертела перед ним ладонями.

– Очевидно, он всё еще там.

– Ага.

И снова молчание. Робби постучал пальцами по рулю, снова взял кофейный стаканчик, сделал глоток и вернул на место. В динамиках мужской голос бойко выгонял девушку «из головы и из постели». Хотя что-то бодрое. Эта дурацкая погода кого угодно вгонит в тоску.

– Ты правда отправила фотографию номеров подружке? – вдруг спросил Роб.

Зря. Девушка с пепельно-розовыми волосами уже начала расслабляться, но в этот момент снова застыла камнем, повернув голову и вытаращившись на Роберта.

– Отправила, – обронила она вдруг охрипшим голосом, бросая быстрый взгляд на болтающийся под зеркалом освежитель воздуха.

Роб увидел эту смешную вещицу на кассе супермаркета. Схватил в последний момент. Решил, что она весело разнообразит беспорядок в салоне. Сейчас, проследив за взглядом девушки, Роберт мысленно хохотнул, но тут же себя отругал. Тоже мысленно. Более тупой вопрос он бы придумать не смог, даже если бы захотел.

– Я обещал тебя не насиловать, – напомнил он, глядя на дорогу и стараясь сохранить серьезность. – Просто спросил. Еще ни разу никого не подвозил вот так, не думал, что кто-то действительно фотографирует номера.

Если это и успокоило девушку, то лишь немного. Она чуть слышно вздохнула и снова откинулась на спинку кресла. Затихла.

– Я тоже ни разу не ездила автостопом, – примерно через полминуты выдавила она. – Сегодня просто не мой день.

– Да брось, – отмахнулся Роб. – Ты вообще-то оказалась в автобусе, у которого на полном ходу лопнула шина. И выжила. Так что сегодняшней день полностью твой.

– Если бы он был моим, я бы успела на предыдущий автобус.

Роберт оторвал руку от руля и почесал лоб.

– Ну, если ты так на это смотришь...

Впереди показались мосты дорожной развязки и поворот на Кливдон. Роб медленно крутанул руль, уводя машину с трассы.

– Куда тебя отвезти? – спросил он, полностью сосредоточившись на дороге.

– Ты уже везешь, – отозвалась девушка.

– Я про улицу.

– А-а... На Олд-Стрит. Где останавливаются все автобусы.

- Могу подбросить до дома.
- Не нужно.
- Боишься, что приду ночью?

Она не ответила, а только осторожно покосилась на Роба. Он снова сдержал смех.

Так к нему еще не относились. В школе смеялись и иногда задирали – причин на то хватало. Возглавляли список рыжие волосы, тощая фигура и громкая фамилия. А продолжать перечислять можно было до бесконечности. Потом Роберт закончил школу, поступил в университет, записался в тренажёрный зал, оброс... Через некоторое время девушки стали его хотеть, а парни – побаиваться.

Но вот в маньятки записали впервые в жизни, поэтому сейчас ему было смешно. У Роберта давно не наблюдалось проблем с девушками, так что, даже если бы он и оказался маньяком, то мимо попутчицы прошёл, не оглянувшись. Девчонка милая, но не более того. Слишком мелкая, слишком пацанка, он смотрел на неё, как на сестрёнку. Эта розовая фея могла не переживать за свою безопасность.

В молчании они въехали в прибрежный городок, «тойота» стала петлять по узким улочкам, застроенным зданиями в георгианском стиле. Ряды одинаковых домов из серого плоского камня, с дверями, выкрашенными в яркие цвета, сменились такими же старыми, но приспособленными под магазинчики. Проехав немного вдоль улицы, Роб выкрутил руль влево и затормозил в «кармане», предназначенном для общественного транспорта.

Колёса рассекли лужу, разбросали брызги. Несколько человек у края тротуара отскочили назад. Девушка потянулась к дверной ручке,

- Ну, пока, – проговорил Роберт, развернувшись всем корпусом и ухмыльнувшись.
- Она вдруг замерла и обернулась. В светло-карих глазах застыл вопрос.
- Сколько я должна? – пробормотала девчонка, сдвигая с лица пепельно-розовую прядь.
- Роб вздёрнул одну бровь.
- Забудь, Ягодка. Я просто добрый.
- Это неправильно.
- Быть добрым?
- Бесплатно работать таксистом.
- Топай уже!

Несколько секунд они беззвучно сражались взглядами, но вот девчонка тихо вздохнула, прижала к груди рюкзак и всё-таки дёрнула за ручку.

- Спасибо, – бросила она, ступив на тротуар и захлопывая дверь.
- Ага, – пробормотал Роберт, махнув ей двумя пальцами.

Он переключил передачу и резко тронулся с места. Взглянув в зеркало, Роберт увидел, как розовые волосы спрятались под капюшоном, а их обладательница убрала руки в глубокие карманы и быстро свернула в переулок.

В доме царила суматоха. На втором этаже играла быстрая музыка, звучали девичий писк, смех и целая гамма голосов. Из кухни тянуло запахом черничного пирога, маминого фирменного. Элизабет сбросила с плеч рюкзак, поставила его к стене и расстегнула мокрую парку. Не хотелось выдавать своё присутствие, но её и так заждались. Наверное. Неважно.

- Мам? – окликнула Лиззи, вытягивая руки из рукавов.

Джемпер отсырел несильно, но желание стянуть с себя прилипшую к коже тряпку кололо пальцы. Топот возвестил, что мама бросила дела и летит навстречу.

- Ну наконец-то! – воскликнула она, появляясь в коридоре.

Сара Хэйл выглядела уставшей. Еще бы. Детский день рождения – это серьезное испытание. Она ведь просила Лиззи приехать пораньше. Чтобы помочь. И Лиззи честно пыталась, но обстоятельства оказались сильнее.

– У автобуса лопнуло колесо, – сразу сообщила Элизабет, вешая куртку на крючок и сгибаясь, чтобы расстегнуть грязные ботинки.

– Боже! – мама прижала ладошку ко рту. – Какой кошмар! Все живы? И как ты доехала? Лиззи! Что с твоими волосами? Разве тебе можно краситься в розовый?

Интересно, что её беспокоит больше: авария или волосы? Лиз поставила бы на волосы. Взгляд мамы метнулся вниз, туда, где Элизабет пыталась стащить с ноги обувь. Ботинок отлетел вместе с мокрым носком.

– А что за ботинки? – не промолчала Сара. – Лиззи, это несерьезно. Тебе повезло найти работу в хорошей компании, а ты покупаешь ужасные вещи. У меня где-то были симпатичные сапожки, я тебе отдам. Всё равно не ношу.

Второй ботинок тоже улетел с носком. Оставшись босиком, Лиз поднялась на ноги и обняла мать, не давая ей продолжить речь.

– Мам, всё нормально, – пробормотала она. – Для работы у меня есть другая обувь.

Не говорить же ей, что работы нет. То есть она есть, но не по той специальности, на которую родители выбросили тысячи фунтов.

– Ну раз так... – Сара сомкнула руки за спиной Лиз, целуя её в волосы. – Но что с волосами? Лиззи, ты выглядишь, как панк! Честное слово, твой переходный возраст затянулся на десять лет. Боже, ты же вся промокла!

О, она всё-таки заметила. Отстранившись от мамы, Лиз подхватила рюкзак и побежала вверх по лестнице.

– Мам, пирог пора достать из духовки. Я переоденусь и приду помогать.

– Нечего помогать, – крикнула Сара вслед. – Я уже всё сделала.

Лиззи почувствовала угрызения совести. Несмотря на то, что её вины не было, она чувствовала себя виноватой. Всё ведь началось с того, что она проспала. Проходя мимо комнаты сестры, Элизабет остановилась, открыла рюкзак, вытянула оттуда яркий свёрток. Обёрточная бумага немного намокла, но красивый бант не давал испортить впечатление полностью. Постучав в дверь, Лиз бесшумно толкнула её вперед. Стук остался неслышанным, в комнате в самом разгаре была дискотека.

Марго исполнилось четырнадцать.

– Эй! – позвала Лиззи, пытаясь привлечь к себе внимание.

Одна из танцующих девчонок перестала дёргаться под музыку и повернулась на голос.

– Ли-из! – заорала она, перекрикивая песню и бросаясь к сестре.

Младше на двенадцать лет, Маргарет уже была красоткой, какой Элизабет никогда не стать. Да и неважно. Младшие сестры для того и нужны, чтобы им завидовать. В Лиззи влетело пока еще тощее тело, а длинные руки обвили шею.

– С днём рождения! – сказала Элизабет, обнимая сестру. – Я мокрая, и ты тоже намокнешь. Держи подарок, расти большой.

Марго отступила на шаг, выхватила из рук Лиззи яркий свёрток и тут же стянула красивый бант. Бумага полетела вниз, в руках младшей сестры осталась только портативная музыкальная колонка.

– О, Лиззи! – пискнула Маргарет, снова повисая на шее Элизабет. – Спасибо! Она классная! И волосы у тебя классные... Мама видела?

Лиз закатила глаза.

– Естественно. Я уже слышала, что в серьёзных компаниях такая причёска неприемлема.

Марго заговорщицки хихикнула. Она знала то, чего не знали родители. Как набраться храбрости и сказать им?

- Ладно, я пойду, – пробормотала Лиззи. – Нужно переодеться и хоть чем-то помочь.
- Перестань! Давай к нам!

– Нет. Мама меня ждала. Позже я устрою вам фотосессию... если будете себя хорошо вести.

С этими словами она вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь. Её старая спальня находилась дальше по коридору, прямо за стеной Марго. Войдя в комнату, Лиз втянула носом запах дождя. Её ждали. Проветрили комнату и наверняка постелили свежее постельное белье, хотя на предыдущем она успела поспать всего две ночи. Элизабет не слишком часто приезжала в Кливдон, он так и не стал ей родным. Она выросла в другом месте, родители дождались, пока старшая дочь закончит школу, и только потом переехали. Поэтому Лиззи не тянуло в этот город. Но её комнату продолжали содержать в чистоте, а в шкафу оставалось несколько вещей, в которые можно переодеться в крайнем случае. Как сегодня, например.

Одежда была предельно простой и консервативной. Кажется, этот комплект Элизабет купили, когда она поступила в университет. Прямые брюки, рубашка, жилетка. Так, по мнению родителей, должна была одеваться студентка юридического факультета. Прошли годы, а комплект надевался всего несколько раз. Не удивительно, что Лиззи оставила его здесь, когда собирала вещи для переезда в Бристоль. Одежда, лишённая удобства, и не подходящая для того, чтобы валяться на диване. Стоит привезти сюда что-то более мягкое и домашнее.

И рассказать уже маме с папой, что тысячи фунтов вылетели в трубу.

Глава 2

Роберт замахнулся молотком и с агрессией всадил гвоздь в стену. Он вбивал гвоздь в одном и том же районе стены уже четвёртый раз за четыре недели и начинал думать, что в доме завелся полтергейст. Если только этого полтергейста не зовут Мириам Дадли, и она лично не выдирает гвоздь маникюрными щипчиками. Это многое бы объяснило. Высокая и стройная матушка после развода стала еще стройнее, и никто не заподозрил бы эту хрупкую женщину в коварстве, кроме сына, в четвёртый раз вешающего картину.

Агрессии в действиях Роба было бы меньше, если бы каждый новый удар не отдавался звоном погребального колокола в мозгу. Каждый раз, приезжая в родные пенаты, Робби обещал себе быть умницей, но как-то не срасталось. Первый же вечер заканчивался туром по кливдонским пабам в компании старых друзей. Оправдывал он себя тем, что в будни в Бристоле был паинькой. В основном потому, что ему не с кем проводить свободное время.

Переехав, он так и не нашёл новых друзей, такое часто случается с людьми. Их сводит друг с другом общее окружение вроде школы и университета, а когда возраст переваливает за двадцать пять, новые знакомые появляются всё реже. Роб нашел несколько приятелей на работе, но это была не та компания, чтобы как следует напиться.

Вчерашний вечер не стал исключением. В шесть позвонил Дилан, якобы чтобы узнать, как дела, но на самом деле это была проверка на местонахождение. Убедившись, что Роберт снова явился по зову маменьки, друг поставил его перед фактом, что через час вся компания встречается в «Ягоре и короне».

Серьезно, если эти парни не найдут себе другое развлечение, то сопьются всего через пару лет.

Всё прошло так же, как и всегда. Шумно, весело, но однообразно. Когда наутро (а точнее, уже днём) Роберт приподнял одно веко и взглянул на прикроватную тумбу, там заканчивала шипеть таблетка в высоком прозрачном стакане с водой. Матушка постаралась. Не трогала своего мальчика, услужливо подставила лекарство и просто ждала, когда он проснётся.

Сейчас, забивая гвоздь в стену, Робби думал, что не каждому так повезло с родительницей. Если отбросить её страсть к порче имущества.

Гвоздь прочно вошел в стену, Роберт медленно слез с табуретки, чувствуя себя столетним старцем. Он подхватил картину, приставленную к стене, поднял и осторожно повесил на место, рядом с которым находились уже три одинаковые дырки в обоях. Сделав шаг назад, Роб скрестил руки на груди и оглядел результат своей работы. Ровно. Если на следующей неделе мать позвонит и скажет, что «Звёздная ночь» снова ударилась о пол, Роберт предложит переехать.

Будто в подтверждение его мыслей за спиной раздалось деликатное покашливание.

– Ты у меня такой молодец, – тихим, но восхищенным голосом проговорила Мириам.

Роб крутанулся на пятках и тут же поморщился. Невидимый железный шарик внутри черепа перекатился от одного виска к другому и больно врезался в его стенку.

– Я всего лишь забил гвоздь, – прогудел Робби, сдавив пальцами переносицу.

– Знаю. Но твой отец не делал и этого.

Начинается. Тонкая, безобидная матушка умела удивлять малознакомых с ней людей неожиданной колкостью языка. Но она имела право.

– При отце картины не падали, как по волшебству.

Мириам как ни в чём не бывало пожала хрупкими плечиками.

– Что поделать... – философски заметила она. – Я принесла тебе кофе.

И действительно, всё это время она держала поллитровую прозрачную кружку. Роб втянул воздух, запах кофе приятно пощекотал нос.

– Присядь, – мягко попросила Мириам, указав на диван. – Хочу тебе кое-что рассказать.

Это настораживало. Когда мама хочет что-то рассказать, ничем хорошим это обычно не заканчивается. В последний раз, когда она вот так сдержанно предлагала Робби присесть, оказалось, что ей пришлось в голову пристроить к крыльцу террасу. К каменному «георгианскому» дому-дуплексу! Потрясающая идея, от которой Роб отговаривал Мириам неделю.

Но кофе манил и усыплял бдительность. Роберт забрал чашку из материнских рук и аккуратно опустился на низкий диван. Сиденье прогнулось под весом «маминого мальчика».

– Робби, милый, – осторожно начала Мириам, присев рядом и положив ладошку на массивную ногу сына. – Я на днях разговаривала с Тиффани... помнишь Тиффани? Мы с ней иногда играем в гольф...

Роберт не помнил никакой Тиффани. И не должен был, учитывая, что давно не живёт в Кливдоне и понятия не имеет, с кем мать сплетничает за чаем, гольфом и литературными посиделками.

– Ну так вот, дочка Тиффани недавно рассталась с парнем и сейчас свободна!

Роб медленно моргнул.

– Рад за дочку Тиффани, – пробормотал он, прикладываясь к кружке.

– Да нет же, глупый, – улыбнулась мама. – Тебе нужно с ней встретиться.

– Зачем?

Мириам картинно воздела очи к потолку.

– Малыш, не делай вид, что ничего не понимаешь.

«Малыш» не делал вид. Он правда не понимал. После попойки голова соображала крайне медленно, процессор не хотел запускаться.

– Робби, тебе нужна нормальная девушка, – продолжила матушка. – Я волнуюсь. Эти подружки, которые меняются каждый месяц, только тратят твоё время. А дочка Тиффани хорошая. Она работает в крупной корпорации, умная, порядочная...

– Ты никогда не мечтала открыть бордель? – перебил её Роб, снова пригубив кофе.

Глаза Мириам округлились.

– Роберт! – возмущённо выпалила она. – Как не стыдно?!

– Прости, – он откинулся на спинку дивана, потёр глаза, провёл рукой по волосам, собранным в крупный пучок на макушке.

Пора стричься. Рыжая копна уже достигала талии, и, если бы не габариты бегемота, со спины Роба можно было принять за девушку.

– Мне не нужна твоя помощь, чтобы пойти на свидание, мама, – продолжил он, снова взглянув на хрупкую женщину.

– А я считаю, что нужна. Сам ты подбираешь всякий мусор.

– Мама!

– Прости... – потупилась мать. – Если тебе не нравится дочка Тиффани, у меня на примете есть еще одна девочка. Дочь другой моей подруги по гольфу.

– У вас один бордель на троих?

Мириам хлопнула Роба по колену.

– Роберт Лестер Дадли! Где твоё воспитание?! – строго провозгласила она. – Мне важно твоё благополучие!

Он устало закатил глаза.

– С моим благополучием всё отлично. Я уже ходил на четыре свидания вслепую с твоей подачи и ни с одной девушкой больше не виделся. Эта схема не работает, мама.

Он действительно целых четыре раза не смог отказать матери. Первый раз пришла строгая учительница начальных классов, которая с ходу заявила, что хочет замуж уже в этом году. Они разошлись, не дождавшись десерта. На втором свидании Роберт встретился с кондитершей из Бата, прелестной во всех отношениях. Она улыбалась так, будто собиралась прижать Роба прямо в туалете кафе. Вообще-то Роб был бы не против. Сдерживало его только знаком-

ство их родительниц. В итоге было назначено второе свидание, но к тому моменту кондитерша из Бата уже нашла себе того, кто всё-таки пошёл с ней в туалет. Две оставшиеся встречи каких-то внятных воспоминаний не оставили. Милые девушки, но, кажется, их не впечатлили рыжая борода и кольцо в губе.

– Если тебе не понравились четыре предыдущие, это не значит, что не понравится пятая или шестая, – вклинился в воспоминания голос Мириам.

Этот абсурд пора пресечь.

– Я тебя очень люблю, но в этот раз скажу «нет».

– Робби, милый, я же не прошу тебя жениться на них, – хлопнула ресницами матушка. – Просто встретиться с девочками! Вторая тоже работает в какой-то хорошей фирме. Серьёзная, ответственная...

Если бы не похмелье, Роберт соскочил бы с дивана и с воплями вылетел из комнаты, не закончив этот идиотский разговор. Но головная боль и полная чашка приковали большое тело к дивану, запрещая совершать лишние движения. Мириам это знала. Она выбрала удачный момент, чтобы поковыряться в мозгу «своего мальчика».

– Мам, разреши хотя бы подумать над этим, хорошо? – вздохнул Роберт. – Я повесил картину и чуть позже посмотрю, что с трубами в ванной на втором этаже. А сейчас просто не трогай меня.

– Ладно, – мама примирительно погладила его по ноге. – Я дам тебе номера девушек, а ты подумай. Но не слишком долго. Они будут ждать твоего звонка.

Не дожидаясь ответа, она встала и выскочила из гостиной, оставляя Робби в одиночестве и полнейшем недоумении. Эта женщина сумела повернуть ситуацию в свою пользу. Только что он собирался твёрдо отказать, а вышло почти наоборот. «Подумай, но они будут ждать звонка.»

– Твою мать, – ругнулся Роб в пустоту.

Чёрт бы побрал отца, который спустя двадцать восемь лет брака решил сбежать. Тому хорошо удавалось принимать на себя весь удар энтузиазма Мириам, а сейчас все шишки летели на Роба, и он никак не мог увернуться. Ради собственного морального удовлетворения стоило проигнорировать очередную материнскую авантюру. Но если он не позвонит тем девицам, подружки обвинят мать в несерьёзном подходе к делу, и виноват будет Робби.

Он зажал пальцами переносицу и шумно втянул в себя воздух. Роберт любил маму, но иногда она бывала невыносимой женщиной.

– Лиз! – разлетелось по полупустому залу кафе на набережной.

Элизабет, стоя в дверях, быстро обернулась на голос. Русоволосая, зеленоглазая Пэйшенс сидела за столиком в углу возле окна и энергично махала всей рукой, от плеча до кончиков пальцев. Волосы она собрала в высокий длинный хвост, отчего её немного раскосые глаза теперь казались и вовсе азиатскими. Лиззи улыбнулась подруге и двинулась в её сторону, на ходу растёгивая молнию парки.

– Приве-ет, – протянула она, повесив куртку на спинку стула и усевшись напротив Пэтти.

– Я заказала тебе эспрессо и чизкейк.

Пэт широким жестом указала на стоящие на столе чашки и тарелки с пирожными. От чашек поднимался едва заметный пар. Лиз взялась за «ушко» той, в которой кофе был без молока и на самом доньшке, и притянула к себе:

– Пахнет вкусно.

– Клод делает вкусные чизкейки, – авторитетно сообщила подруга.

Пэйшенс раньше работала в этом кафе официанткой, но потом нашла работу в ресторане более высокого класса и, естественно, ушла. Но сюда продолжала бегать за чизкейками. И каждый раз хвалила так, будто Элизабет их ни разу не пробовала.

– Я знаю, что Клод молодец, – устало проговорила Лиззи, притянув к себе еще и тарелку с пирожным.

Пэт всмотрелась в её лицо внимательным изучающим взглядом, задумчиво отколола вилкой кусочек своего пирожного и отправила в рот.

– Ты какая-то вымотанная, – заметила она.

Ей явно не понравилось, что Клода и чизкейки похвалили так бесцветно.

– Потому что меня вымотали.

– Кто?

– Марго очень нравится, что ее сестра фотограф. Вчера она до поздней ночи крутилась перед камерой, а сегодня подняла меня почти с рассветом, чтобы «обработать фотки». Ей было нечего выставить в свой инстаграм.

– Бедня-яга, – сочувственно протянула Пэйшенс.

Элизабет пригубила эспresso, убедилась, что тот не горячий, и залпом осушила всю чашку. Точно, бедняга. Она любила Маргарет и старалась быть для неё подругой. Когда между сёстрами существенная разница в возрасте – это очень сказывается на отношениях. Если не участвовать в жизни младшей, то она вырастет чужим человеком.

– Я сейчас, – бросила Лиз, поднимаясь из-за стола.

Она отошла к мини-бару и стойке баристы по совместительству. Парень в выглаженной белой рубашке и галстукe очищал кофе-машину, бормоча себе под нос ругательства. Элизабет замерла. Она всегда подмечала интересные кадры, сколько себя помнила. Каштановая прядь волос упала парню на лицо, квадратные очки хипстера съехали на середину носа, а тонкая рубашка с подвёрнутыми рукавами красиво очертила пусть и не огромные, но крепкие мышцы. Чертыхаясь, бариста абсолютно не замечал подошедшую зрительницу. Пальцы он измазал кофейной гущей и теперь оттирал их салфеткой. Лиз решила нарушить момент.

– Извините, – тихо пробормотала она.

Парень вскинул голову, тёмная прядь повисла прямо по центру одной квадратной линзы.

– Мне еще один эспresso, – продолжила Элизабет.

Секунду он обрабатывал полученную информацию, потом вроде бы понятиливо моргнул и поправил квадратные очки. Кофейный след остался на пластиковой оправе.

– Сделаем, – сообщил парень и снова нагнулся над кофе-машиной.

Отлично. Дома кофе не было. Мама почти религиозно верила в его вред. Придётся напиться здесь, чтобы компенсировать короткий ночной сон. Развернувшись на пятках, Элизабет направилась к столику у окна.

– Как дела дома? – спросила Пэт, пока Лиз устраивалась на стуле.

– Эти девчонки вытрясли из меня душу. Если я в четырнадцать была такой же, удивительно, что меня никто не прикончил. Мне хотелось придушить подружек Марго раз, наверное, двести. В час.

Она отломила сразу половину чизкейка, наколола на вилку.

Сначала девочки позировали, разодевшись, как куклы, потом решили выйти под дождь и сделать эпичные фотографии в мокрых футболках (девять градусов тепла никого не смутили), и закончилось всё пижамами в лиловых тонах и горячим какао с зефиром. Всё нежно и мягко. Если бы Лиз предложили проделать то же самое за деньги, она выставила бы ценник, как за свадебную фотосессию.

– Я не то имела в виду, – отмахнулась Пэйшенс, глядя, как пирожное исчезает с тарелки. – Что думают родители про твоё увольнение?

Ах да, увольнение...

– Ничего, – пожала плечами Лиз. – Я не сказала.

Глаза подруги удивлённо расширились:

– Опять?!

Лиззи кивнула.

– Но уже месяц прошёл! Что ты собираешься делать?

– Работать, – лаконично заметила она.

– Лиз, так нельзя. Они ведь гордятся тем, что ты устроилась в «Сидни-энд-Брок».

– Вот поэтому им и не нужно знать. Не хочу их расстраивать. Мне иногда кажется, что я зря ушла, и там было не так уж плохо.

Пэйшенс нервно фыркнула.

– Но только не тогда, когда этот жирный урод Брок хватал тебя за задницу и зажимал в пустом лифте.

– М-да...

Подошёл официант с одинокой чашечкой эспresso на подносе. Молча поставил напиток перед Элизабет, молча забрал пустую посуду и молча удалился.

– Лиз, ты правильно сделала, что ушла, – проговорила Пэтти, дождавшись, когда парень отойдёт. – Эта профессия никогда тебе не подходила. Тебе просто нужен был пинок, чтобы всерьёз заняться фотографией. Жаль, конечно, потраченных лет и денег, но родители тебя любят, и ты уже достаточно взрослая, чтобы самостоятельно принимать решения.

– Скажи это моей маме. Она заявила, что мой переходный возраст затянулся.

– Правда? – Пэтти хохотнула. – Ну, твои волосы сейчас и правда как у девочки-анимешницы.

– У анимешниц «фуксия»! – возмутилась Элизабет. – А у меня «пепельная роза»!

– Да я шучу, – подруга потянулась к тарелке Лиз и беззастенчиво украла у неё кусочек чизкейка. – Кстати, что за номерной знак ты мне сбрасывала? Я ничего не поняла.

Кстати о номерных знаках...

– А, это... Да так. Можешь удалять. Меня вчера подвёз один парень... Внушительный. Напугал.

– Настолько внушительный?

Элизабет уже сама сомневалась.

– Большой, рыжий, с кольцом в губе, – пробормотала она, уставившись в свою чашку. – А на полпути с серьёзной миной заявил, что не собирается меня насиловать. Кто вообще вот так говорит об этом?

Пэйшенс тихо рассмеялась:

– Да брось, он же веселый! И что ты ответила?

– «Спасибо».

– «Спасибо»? – вот теперь она захохотала громко и заразительно. – Лиз, ты очаровашка! И что было дальше?

– Что?

– Ну ты знаешь... Вы обменялись номерами? Он симпатичный?

Элизабет закатила глаза:

– Пэйшенс! Я думала только о том, чтобы быстрее доехать.

– Что за предвзятое отношение? Могла бы познакомиться с классным парнем.

– Ты не можешь знать, что он классный.

– Уверена в этом.

Лиззи предпочла отмолчаться, спрятав лицо в чашечке эспresso. На душе и без того остался непонятный осадок после этой поездки. За прошедшие сутки стало казаться, что она нафантазировала всякий бред и выставила себя душой. Парень, в общем-то, не сделал ничего, чтобы произвести плохое впечатление. Наоборот, был терпеливым, а синие глаза улыбались,

даже когда их обладатель пытался оставаться серьёзным. Лиззи это заметила. Она не очень его рассматривала, но успела увидеть, как он покусывал тонкое кольцо в уголке губы, когда пытался сдержать смех. На его месте Элизабет, наверное, тоже было бы весело. В той машине она вела себя, как настоящая дикарка. И даже не спросила, как его зовут.

– Когда ты уезжаешь? – вдруг спросила Пэйшенс, окончательно присвоив себе вторую тарелку с чизкейком.

Элизабет разблокировала экран мобильного, посмотрела на время.

– Через пять минут нужно уйти отсюда, забрать из дома рюкзак и добраться до автобуса.

Проводишь?

Пэт пожала плечами.

– Хорошо. Что миссис Хэйл сказала про такой скорый отъезд?

– Ничего. Сработал аргумент, что мне и в выходной нужно работать. Я даже не соврала.

Доедай быстрее.

– Не подгоняй меня!

– Ладно.

– И не смотри, как я ем. Если бы ты взяла номер у парня с кольцом в губе, сейчас, возможно, не пришлось бы никуда спешить.

– Замолчи, Пэйшенс.

Глава 3

– Просто забудьте, что я здесь. Не нужно постоянно улыбаться и искать камеру.

Парень серьезно кивнул. Девушка переступила с ноги на ногу.

Элизабет считала это самым сложным в своей работе – сделать так, чтобы модели расслабились. Как только на людей нацеливается объектив камеры, они тут же меняются в лицах. Неестественные улыбки, наигранные, манерные движения, слишком громкий смех, за которым клиенты пытаются скрыть зажатость. Лиззи и сама была такой же. Или даже хуже. Она чувствовала себя нормально, развернув камеру объективом к миру, но, если этот самый объектив нацеливался на неё саму, Лиз предпочитала закрыть лицо растянутым рукавом вязаного свитера.

Фотосессия-лавстори в Бристольском ботаническом саду шла уже двадцать минут, но пока что вышло едва ли пять хороших кадров. Невеста жеманничала, жених напоминал ржавого железного дровосека.

– Ты меня любишь? – картинно надула губки девушка, повиснув на шее своего будущего мужа.

– Конечно, – нахмурился тот и положил ладони ей на бёдра.

Лиззи изо всех сил подавила желание закатить глаза и натянуть на лицо малиновую шапку с огромным помпоном. Но вместо этого сдвинула её на затылок и почесала лоб.

– Ребята, так не пойдёт. Давайте выпьем чаю и отдохнём.

– Где мы возьмем чай? – пискнула девушка.

– Я принесла, – спокойно улыбнулась Лиз.

Она подошла к своему огромному рюкзаку, брошенному на траве неподалеку, и вытянула оттуда термос и две чёрные фарфоровые чашки. Небезопасно носить с собой фарфор, но предлагать людям пластиковые стаканчики Лиззи не решалась. Для себя она достала отдельную термокружку с крепким кофе.

– Вот, – она отдала чашки и термос парочке. – Возьмите.

Парень удивлённо выпучил глаза, но забрал предложенное и сел на скамейку. Девушка последовала за ним. Лиззи отошла в сторону, открыла «носик» кружки и аккуратно отпила всё ещё горячий эспрессо. Спать она будет когда-нибудь потом.

Элизабет ненавидела «лавстори», свадебные фотосессии и постановочные фотосессии в студиях. Она любила ловить живые моменты. Естественный смех, случайную улыбку, разлетающихся птиц и грязные руки парня-баристы. Но тем не менее зарабатывать приходилось именно фотосессиями пар и беременных женщин в прозрачных пеньюарах. На фотожурналистику Лиззи не рассчитывала.

Потягивая эспрессо, она со стороны наблюдала за расслабившейся парой. Девушка откинулась на спинку скамейки, парень разлил чай, поставил термос на гравий возле ног и заботливо предложил чашку будущей жене. Та улыбнулась, протянула руку и их пальцы соприкоснулись на тёплом фарфоре. Очень осторожно, чтобы не производить лишнего шума, Элизабет опустила термокружку на землю, подняла висящий на шее фотоаппарат и не глядя в линзу несколько раз щёлкнула затвором. На случай, если другого шанса не будет. Потом всё-таки поднесла камеру к глазам, сделала несколько шагов в сторону, меняя ракурс, и снова спустила затвор. Как охотник, который боится спугнуть стадо оленей.

«Олени» же перестали её замечать. Они о чём-то тихо переговаривались, жених наклонился к невесте и с мягкой улыбкой на лице слушал её шёпот. Девушка самозабвенно что-то рассказывала, периодически прикрывая рот ладонью и посмеиваясь. Так прошло несколько минут. Убедившись, что снимков достаточно, Лиззи вернулась к своей термокружке, подняла её с земли и сделала несколько больших глотков.

– Ну, вы как? – решила спросить она.

Жених и невеста дёрнулись и отпрянули друг от друга.

– Нормально, – каркнул парень, прочищая горло.

Элизабет отстранилась от термокружки, поболтала её, оценивая запас эспresso, и с сожалением закрыла «носик».

– Тогда давайте сменим локацию, – предложила она, наклоняясь к рюкзаку и убирая оставшийся кофе.

– Но мы же так и не поработали здесь! – снова надула губки невеста.

Лиззи терпеливо ей улыбнулась. Невесты бывают разные: приятные и не очень. Эта относилась к неприятным. Капризная, манерная девица.

– Я сделала достаточно хороших снимков, пока вы пили чай, – спокойно проговорила Лиз. – Давайте пройдем дальше по тропе. Идите, а я догоню.

Они недоверчиво переглянулись, но всё-таки подчинились. Медленным шагом пара двинулась вперед, невеста взяла жениха за руку и снова старалась вести себя нормально, но походка робота выдавала обоих. Элизабет быстрее ветра сгребла в рюкзак термос, вылила в траву остатки чая из чашек и положила вслед за термосом. Забросив рюкзак на плечи, Лиз привычно покачнулась от его габаритов, но сразу нашла равновесие и рванула вперед.

Очень вовремя. Поняв, что фотограф отстала, ребята опять приблизились друг к другу, парень бережно обхватил ладонь девушки и спрятал их сплетенные руки в свой карман. Лиз снова подхватила камеру и нажала кнопку спуска. С такими людьми иначе нельзя. С ними просто невозможно работать. Если идти на поводу и фотографировать их каменные лица, то они же и будут первыми возмущаться плохими фотографиями.

Где-то мяукнула кошка. Жених и невеста дружно обернулись, уставившись на Лиз, которой до этого удавалось красться бесшумно.

– Чёрт, – пробормотала она себе под нос, сунув руку в карман.

Стоило поставить мобильник на беззвучный режим.

15:33. Марго: «Не хочу тебя расстраивать, но примерно через два часа мы с мамой будем у тебя»

Лиззи удивлённо вскинула брови.

– Всё в порядке? – раздался недовольный голос невесты.

Элизабет оторвала взгляд от дисплея и посмотрела в перекосившееся лицо.

– Да, – попыталась улыбнуться она. – Извините. Семейные дела. Подождите буквально минуточку.

15:34. Лиз: «Какого хрена?»

15:34. Марго: «Я здесь ни при чём. Просто предупреждаю, чтобы ты успела спрятать всё лишнее»

Элизабет нервно прикусила губу. Чертовски не вовремя. И ведь мама не потрудилась предупредить о том, что ей взбрело в голову. Это странно, учитывая, что она знает, какой напряженный график в юридических фирмах, и как часто там приходится работать сверхурочно. Но сейчас было некогда впечатляться. За оставшееся время нужно сделать так, чтобы клиенты остались довольны, добраться до дома и засунуть в шкафы всё, что хоть отдалённо связано с фотографией. Лиззи уже собралась убрать телефон в карман, но остановилась и быстро написала три буквы.

15:35. Лиз: «Снс»

Через полтора часа она выпрыгнула из автобуса на Парк-стрит и побежала к китайскому ресторанчику, над которым арендовала крохотную квартирку. Дорога заняла сорок минут. Сорок бесценных минут, за которые можно было наделать кучу кадров, если бы не мама. Пришлось с честными глазами убеждать влюблённую парочку, что фотографий получилось достаточно, и спешно покидать ботанический сад, находящийся почти на окраине.

А ведь Лиз предлагала заказчикам устроить фотосессию в парке Брэндон Хилл. Она, конечно, не сказала, что это всего через улицу от её дома и ей было бы приятно не бегать с рюкзаком по периферии. Просто понадеялась, что будущие молодожены захотят фотографироваться в центре. Но нет, какой-то чёрт потянул их в сад. Какая им разница? И там, и там – зелень!

Пробежав мимо входа в ресторанчик, Элизабет нырнула в тёмный подъезд и бросилась вверх по лестнице. Жить над рестораном в какой-то степени удобно, если научиться игнорировать запахи, просачивающиеся с первого этажа. Кухня в квартире всегда была кристально чистой, потому что пользовались ей крайне редко, а номер телефона Баои Ши, владельца и администратора, Элизабет помнила наизусть. Но на всякий случай записала на цветном стикере и прикрепила к пробковой доске над рабочим столом.

В квартире, всё пространство которой занимали санузел и одна большая комната с кухонной зоной в углу, стоял полумрак. Вечно закрытые жалюзи не давали проходить хоть какому-то свету. Вынужденная мера. Все три окошка выходили на улицу и открывали прохожим неплохой обзор внутрь. Элизабет щёлкнула выключателем и мрачно осмотрелась. В общем-то, всё не так уж плохо. Несколько пустых коробок от китайской еды, мокрая после дождя одежда на полу, пыль на полках, разобранный диван. Если постараться, то за оставшиеся двадцать минут (или уже десять?) можно привести жильё в относительный порядок. Поставив на пол рюкзак и прислонив к стене, Лиззи стянула с головы малиновую шапку с помпоном и смерчем пустилась по комнате.

Стук в дверь раздался, когда Элизабет запихнула в стиральную машину приехавшие из Кливдона джинсы и захлопнула дверцу. Мама не стала дожидаться, когда ей откроют. Вряд ли какие-то матери так делают. Они просто заходят. Странно, что Сара Хэйл вообще решила постучать.

– Лиззи, детка, ты дома?

Конечно, дома. Как бы она вошла, если бы Элизабет дома не оказалось?

– Я здесь, – отозвалась Лиз, выходя из ванной.

– Сюрприз! – пропела мама, простучав невысокими каблучками по деревянному полу и схватив дочь в охапку.

Оказавшись в объятиях, Лиззи выглянула из-за материнского плеча и увидела Марго, привалившуюся к дверному откосу и скрестившую руки на груди.

– Обнимемся? – вскинула брови младшая сестрица.

Элизабет молча закатила глаза.

– Как вы здесь оказались? – спросила она, отстраняясь от мамы и отступая на шаг назад.

Сара обвела взглядом комнату, чуть заметно поджала губы, увидев груды «китайских» коробок, которые перекочевали со стола к раковине, но почти сразу снова улыбнулась:

– Я заметила, что у тебя совсем нет приличной одежды. И мы с Марго решили: «Эй, а почему бы нам не взять Лиз и не пробежаться по магазинам?».

Элизабет взглянула на сестру в дверном проёме. Та опять вскинула брови и помотала головой.

«Нет», – беззвучно сказали её губы.

– И вот мы здесь, – продолжила Сара. – Одевайся и поедem.

Всё что угодно, только не шоппинг. У Лиз хватало хороших вещей. Таких, которые нравились в первую очередь ей самой. Но, видимо, они не удовлетворяли маминым стандартам красоты. Однако было в этом нечто хорошее. Внезапный визит не вызван тем, что мама откуда-то узнала об увольнении из «Сидни-энд-Брок».

– Мам, я бы с радостью, но я только что вернулась и еще даже не поела, так что... может, в другой раз? Сделать чаю? Могу заказать что-нибудь и вам, мистер Ши делает мне хорошую скидку на ужины.

«Китайские» коробки возле раковины получили еще один недовольный взгляд, но вслух критике не подверглись. Что-то здесь было не так.

– Вот заодно и поужинаем где-нибудь, – спокойно проговорила Сара. – Пойдём быстрее. Я боюсь, что припарковалась в неподобающем месте.

Отпираться не имело смысла. Мать проехала пятнадцать миль вечером буднего дня, вместо того чтобы готовить вкусный домашний ужин и ждать мужа с работы. Вряд ли сейчас она примет отказ. Да и аргумент в виде неправильной парковки сработал хорошо. Если на лобовом стекле окажется штраф, виновата будет, конечно же, Лиззи.

– Мне сегодня еще нужно поработать, – всё-таки попыталась возразить она.

Возражение ради возражения. Просто потому, что не хотелось так легко сдавать позиции. Но мама только беспечно отмахнулась.

– Мы не будем долго гулять, скоро все торговые центры начнут закрываться. Где твоя куртка? – Сара развернулась на пятках, увидела вешалку для одежды и процокала к ней. – Эта? – она дёрнула за рукав чёрной парки. – Надевай и выходи. Мы пойдём в машину, сделаем вид, что не парковались, а просто на секунду заглохли.

Она не ждала ответа. Обойдя Маргарет, Сара вышла из квартирки и исчезла на тёмной лестнице. Сестра продолжала стоять в дверях, на её лице застыло скептическое выражение.

– Ты попала, Лиз. Ты еще даже не знаешь, как сильно попала.

– Ты мне не скажешь, что случилось? – вздёрнула одну бровь Элизабет.

– Если я скажу, она меня убьёт.

Ну и как это всё понимать?

– Возьми еще эти, – Сара втиснулась в примерочную кабинку с двумя вешалками.

На вешалках болтались якобы шелковые платица в пастельных тонах, на тонких бретельках, с кружевной оторочкой на декольте. Еще несколько лет назад такая одежда называлась ночной сорочкой, но, видимо, что-то в этом мире кардинально изменилось. Элизабет прикрылась своим вязаным свитером и закатила глаза.

– Мам, в такой одежде нормальные люди ложатся спать.

– Не говори ерунды, – шикнула Сара. – Очень симпатичные. Выбирай: кремовое или сиреневое?

– Можно я оденусь, и мы пойдём?

– Нельзя. Ты у меня симпатичная девочка, а одеваешься как бомж.

– Я нормально одеваюсь! – возмутилась Лиззи. – А ботинки вообще новые!

– У тебя нет ни одного хорошего платья. Что ты будешь делать, если молодой человек пригласит тебя, скажем, в кино?

– Какое счастье, что у меня нет молодого человека.

За оставшееся время до закрытия «Галерей» Сара провернула немислимый забег по магазинам масс-маркета. Теперь Марго в торговом зале караулила несколько бумажных пакетов с разными логотипами, но ни в одном из них не было вещей для Элизабет. Она отмахивалась от всего. А мать закусила удила и не собиралась отступать. Её план всё еще был не ясен,

но она шустро заталкивала Лиз в примерочную кабинку, едва переступив порог очередного брендового торгового объекта. Всё это напоминало погоню. Поесть Лиззи так и не дали.

– Надевай платье, – приказала мама, не предпринимая попыток выйти из примерочной.

Элизабет вздохнула и посмотрела в потолок. Очень красноречиво. Но Сара, конечно, проигнорировала. Лиззи отшвырнула на табуретку свой свитер, сдёрнула с вешалки одну из «ночных сорочек» и, старясь не ударить мать локтями, влезла в тонкий шёлк. Попрыгала на месте, чтобы платье заструилось по телу.

– Ну? – раскинула руки Лиз.

Мама нахмурилась.

– Сними джинсы, я так ничего не понимаю.

– Боже, что тут понимать? Сорочка она и с джинсами сорочка!

– Снимай.

Еще один вздох, еще одно закатывание глаз. Но кого это интересует? Элизабет задрала подол платья, и медленно стянула с ног джинсы-скини. Забытый в кармане мобильник выпал и звучно ударился о пол. Класс. Лиззи не успела его подобрать. Сара, как ястреб, стремительно спикировала вниз и схватила телефон.

– Я подержу. Снимай дальше.

Дались ей эти платья! Даже если мама сама заплатит, Элизабет не станет их носить. Даже спать в них не станет, потому что английский климат не особенно подходит для шёлковых сорочек. Спустив, наконец, джинсы к самым ботинкам, Лиззи разогнулась и снова раскинула руки.

– Ну?

Сара молчала. Задумчиво пожевала нижнюю губу, пробежала взглядом по дочери от ключиц до спущенных джинсов, попыталась отступить назад, но теснота кабинки не позволила.

– Ладно, снимай, – махнула рукой мама через несколько долгих мгновений. – Тебе нужно что-то повеселее. Может, примеришь те цветочки?

– Нет!

– Ну как хочешь. Я подожду снаружи, мы успеем зайти еще в один магазин.

Сара выскользнула из кабинки и плотно прикрыла за собой шторку. Элизабет шумно выдохнула. Еще один магазин она сможет выдержать. Наверное. Вообще-то она не имела ничего против шоппинга, но не когда нужно работать над отснятым материалом, а желудок скручивается в узел, потому что последнее, что он видел – это эспрессо. Быстро натянув джинсы и свитер, Лиз схватила с табуретки куртку и выбежала на поиски родственниц.

Первой она увидела Маргарет. Та стояла около ряда стоек с разноцветными футболками, и без интереса перебирала тряпки. Поймав взглядом приближающуюся Элизабет, она сделала какое-то движение рукой, и из-за той же самой стойки вынырнула Сара. Чем она там занималась?

– Что ты делаешь? – спросила Лиззи, подойдя к компании.

Мама завела руки за спину.

– Ничего, – слишком поспешно ответила она. – Уронила монету.

Правдоподобно.

– Мы идём? – добавила мама, возвращая себе самообладание.

– Об этом я у тебя хотела спросить.

– Тогда идём.

Сара выступила вперед и, как полководец, зашагала к выходу из магазина. Дочери послушно посеменили следом. Марго сделалась тихой, смотрела себе под ноги, но Лиз заметила, что в уголках её губ затаилась сдерживаемая улыбка. Интрига вечера закручивалась всё сильнее. Они вышли из магазина и направились вдоль витрин торгового центра, когда откуда-то раздался знакомый звук.

«Мяу!»

Лиззи рефлексивно хлопнула себя по карманам джинсов и тут же остановилась.

– Мам, где мой телефон?

Сара даже не обернулась.

– Что? – невозмутимо отозвалась она.

– Ты забирала мой мобильник. Где он?

– Ах, телефон! – натянуто улыбнулась мама, медленно повернувшись на пятках. – Конечно, – она запустила руку в свою сумочку и выудила оттуда мобильник, моргающий индикатором. – Вот.

Элизабет выхватила его из материнских рук, сразу же разблокировала и взглянула на экран.

18:43. Неизвестный номер: «Супер. Когда?»

«Что за фигня?», – подумала Лиз.

– Что это? – озвучила она вслух.

– Что такое?

– Ты кому-то писала с моего телефона?

Сара изменилась в лице. Не очень заметно. По нему будто прошла рябь, от растерянности до чувства вины. Она беспомощно посмотрела по сторонам, поймала взгляд тихо ухмыляющейся Марго и снова повернулась к Элизабет.

– Давай выйдем на улицу, найдём кафе и поедим, – с надеждой в глазах предложила Сара.

Лиззи нахмурилась:

– Рассказывай сейчас.

Мама не хотела ничего рассказывать. Это ясно читалось по всему её виду. Она потопталась на месте, почесала шею под ухом, задев золотую сережку, задумалась. Но в итоге вздохнула и сдалась. Подойдя к Лиз, взяла её под руку и, поглаживая тыльную сторону ладони, повела к выходу из «Галерей».

– Я хотела рассказать раньше, но знала, что ты откажешься.

Начало многообещающее. И, судя по содержанию сообщения, ничего хорошего впереди не ждёт. Элизабет хотела открыть всю переписку, но решила пока не делать этого.

– Есть один мальчик, сын моей подруги. Хороший, милый. И Мириам, его мать, как-то обмолвилась, что ему не везет с девочками. И слово за слово... В общем, я написала ему от твоего имени, предложила встретиться.

Ноги Элизабет вросли в пол торгового центра.

– Что? – тихо обронила она, выдёргивая руку из материнского захвата.

За её спиной Марго неблагородно. Лиз хотела рывкнуть, чтобы та заткнулась, но у неё пропал дар речи. Вместо этого она снова разблокировала экран мобильного и открыла весь диалог... точнее, по большей части монолог.

18:38. Лиз: «Привет»

18:38. Лиз: «Моя мама дала мне твой номер»

18:38. Лиз: «Ты должен знать, что наши матери вместе играют в гольф»

18:39. Лиз: «Может, встретимся?»

18:43. Неизвестный номер: «Супер. Когда?»

Кажется, наступил апокалипсис. Ничем иным увиденное на экране смартфона оправдать было нельзя. Элизабет закрыла глаза рукой.

– Какой позо-ор! – простонала она.

Смех Марго за спиной перерос в ржание дикого мустанга.

– Никакого позора, – жизнерадостно заявила мать. – Видишь, он согласен! Хороший мальчик, ветеринар...

– Сколько «мальчику» лет? – задыхаясь от смеха, влезла Маргарет.

– Кажется, двадцать восемь или двадцать девять... не помню. Я хорошо общаюсь с его матерью, она очень довольна сыном!

– В двадцать восемь – уже не мальчик, – снова подала голос Марго.

Сара отмахнулась.

– Брось, детка. Всего двадцать восемь!

Элизабет слушала их, опустив веки и стараясь глубоко дышать. Спокойствие. Главное – сохранить спокойствие. Нельзя срывать на маму.

– Ма-ам, – протянула Лиз, отнимая ладонь от лица. – Я в состоянии сама найти себе парня.

– Не сказала бы. Ты ни разу ни с кем меня не знакомила. Живёшь одна в этой клетке, провонявшей китайским рестораном. Никуда не ходишь, ничем не занимаешься. Где ты найдёшь парня? А у Мириам хороший мальчик...

– Как хоть его зовут?

Сара, которую прервали на полуслове, замерла с открытым ртом. А через секунду захлопнула его, громко стукнув зубами.

– Не помню... – растерянно выдавила она. – Представляешь? Мы так много говорили о детях, а про имя я совсем забыла... Мириам называет его «своим мальчиком»...

Марго зашлась в новом приступе хохота, Элизабет удивлённо вздёрнула брови. Отлично, просто отлично. Её отправляют на свидание вслепую к парню, у которого даже имени нет. Про внешность и хоть какую-то привлекательность говорить не приходится.

– Я не пойду, – коротко бросила Лиз и быстро зашагала вперед.

За спиной раздался частый стук каблучков.

– Детка, так нельзя! Это неприлично! Ты его уже пригласила!

Элизабет крутанулась на пятках и ткнула пальцем в мать.

– Не я, а ты! – выпалила она. – Вот сама и разбирайся! Я не смогу посмотреть в глаза человеку после такого позора!

– Какой позор, милая? Он ждёт! Мириам уже поговорила с ним, и он сам собирался написать, но я знала, что ты бы проигнорировала сообщение, поэтому решила вам помочь, – мама взяла Лиз за руки и заглянула в глаза. – Пожалуйста, Лиззи. Всего одно свидание. А вдруг он тебе понравится?

Элизабет снова прикрыла глаза рукой.

– Это унижительно.

– Мне кажется, мальчик тоже чувствует себя не слишком уверенно от этого сватовства. Может, стоит ему ответить? Он же ждёт.

– Хочешь, я ему напишу? – выглянула из-за маминого плеча Марго.

Лиз захотела схватить её за нос и как следует крутануть.

– Ты предательница.

– Нисколько, – пожала плечами сестрица. – Я просто встала на сторону сильнейшего.

Элизабет не нашла с ответом. В их маленькой компании вдруг повисла пауза. Две пары глаз смотрели на Лиз: одна с любопытством, вторая – с мольбой. В этот момент Лиззи ненавидела обеих, ей искренне казалось, что её подставили. Нарушая их молчание, телефон издал тихое «Мяу!». Все трое вздрогнули и уставились на мобильник в руках Лиз.

18:52. Неизвестный номер: «Передумала?»

Нужно ли ответить? Стоит ли вообще что-то отвечать? Лиззи несколько секунд изучала экран, поглаживая пальцем ребро телефона. Если проигнорировать сообщение, мама получит хороший урок. Ей придётся оправдываться перед подружкой, и она того заслуживает. А если «ветврач-двадцать-восемь-лет» на самом деле ждёт и нервничает? На этой мысли Лиз тяжело вздохнула и капитулировала.

Зайдя в телефонную книгу, она вбила новый контакт.

Назвала его «Неизвестный».

Глава 4

Кафе «Споук-энд-Стрингер» с видом на Эйвон было почти пустым и не слишком уютным. Возможно, кому-то нравилась такая обстановка, но Роберт считал, что владельцы просто не стали заморачиваться с интерьером и сделали ставку на вид из окон. Бетонный пол и стены, жестяные трубы на потолке и свисающие с него лампочки Эдисона. На стенах – странные картины. Мебель – дерево и металл. Кто-то явно хотел сделать из старого помещения «лофт», но недожал. Чего-то здесь не хватало, помещение выглядело просто незаконченным. Но вид на реку из панорамных окон и правда немного компенсировал всё остальное.

Роб занял столик около одного такого окна. Место встречи выбирал не он. Та девчонка, которая осмелилась написать первой, предложила это кафе. Бог знает почему. Октябрьский Эйвон выглядел не слишком живописно, прогулочные кораблики грустно покачивались на воде.

В тот день, когда пришло сообщение от девицы-номер-два, Роб как раз закончил накладывать шину на сломанную лапу йоркширского терьера, и у него наступил перерыв в пациентах. Заварив себе чай, он сидел в каморке, отведенной под кухню. Телефон пискнул, потом еще раз, и еще. Сказать, что Робби удивился – ничего не сказать. Он озадаченно пялился в экран смартфона, не зная, что ответить. Сначала его разобрал смех, а потом захотелось поставить зарвавшуюся барышню на место. Он и сам плохо понимал, почему. Ничего особенного не произошло. Девушка была предупреждена и устала ждать первого шага от Роберта. Предсказуемо, но взбесило страшно. Он не хотел отвечать на сообщения.

Однако, когда чай в кружке закончился, нормальное расположение духа вернулось, и Роб просто согласился. Одной проблемой меньше. Девушка долго не отвечала, даже пришлось проверить, не передумала ли она. Но минут десять спустя прислала адрес и время. Вот так просто. Никакого флирта и смайликов. Роб даже не узнал, как её зовут.

Но раз уж девушка-номер-два начала веселье сама, стоило позвать и первую кандидатку на роль миссис Дадли. Чтобы одним камнем убить двух птиц. Поэтому, заварив себе еще одну чашку чая, Роберт позвонил дочери Тиффани и позвал её в то же кафе, но на полтора часа раньше. Он предполагал, что свидание закончится намного быстрее, однако на всякий случай оставил себе запас времени.

Может и хорошо, что место оказалось не слишком уютным. Значит, свидания не затянутся дольше, чем на одну чашку кофе с пирожным. Мать просила «просто встретиться с девочками», большего он и не обещал.

На столе в тёмной бутылке из-под вина стояли искусственные хризантемы. Роб с преувеличенным интересом рассматривал оранжевые лепестки. Как настоящие! Он оторвал руку от стола и потёр пальцем пластиковый цветок. Дочь Тиффани, Луиза, опаздывала уже на пять минут, и Роберт мысленно нарисовал «минус» в её карму. Он начинал чувствовать себя старым брюзгой. Девушки и раньше опаздывали на свидания. По правде говоря, такое происходило, наверное, со времен палеолита. Роб терпеливо относился к этой женской черте, но сегодняшнее свидание не было обычным.

Дверь в другом конце зала распахнулась, в кафе влетела высокая темноволосая девушка в красном приталенном плаще и с зонтом-тростью. Она остановилась, гордо расправив плечи, осмотрелась по сторонам, блуждающий взгляд задержался на Роберте. Луиза. Роб не знал наверняка, но был уверен. Шатенка пару мгновений изучала его лицо, после чего уверенной походкой направилась к столику.

- Роберт? – на симпатичном лице с серыми глазами мелькнула пластиковая улыбка.
- Луиза?
- Точно.

– Как ты узнала, что это я?

Роб хотел встать и помочь девушке присесть, но она справилась сама, резко отодвинув стул и упав на него. Одно острое колено выглянуло из-под красного плаща и легло на другое.

– Мама мне говорила, что ты... – она сделала жест рукой, указывающий куда-то в район головы Роба, – такой.

Он вздёрнул брови.

– Какой?

На самом деле Роберт знал ответ. Школьные комплексы давно изжили себя, но ему было интересно, что скажет Луиза.

– Рыжий, – коротко бросила девушка.

– Это плохо?

– Не всем мужчинам идёт. Но ты симпатичный.

Роб подавил желание расхохотаться.

– Но пирсинг я не люблю, – добавила Луиза.

А он не любил слишком самоуверенных женщин. По модели поведения они напоминали мужчин и пробуждали в Роберте инстинкт соперника. А дочка Тиффани оказалась очень самоуверенной. Прямой, жёсткой, идущей напролом. Она отталкивала от себя еще до того, как открывала рот.

– Чем тебе не нравится пирсинг? – спокойно спросил Роб, поставив локти на стол, скрестив кисти и опершись на них подбородком.

– В губе и языке – не нравится. Это должно быть ужасно, когда... – Луиза вдруг осеклась, нахмутив бровки.

– Когда... что? Когда тебя целует кто-то с кольцом в губе?

Роберт был обязан это спросить. Просто обязан. Вопрос рвался наружу вместе со сдерживаемым смехом, его нельзя было игнорировать. Но у Луизы были стальные нервы. Она промолчала и даже не порозовела.

– Поверь на слово, – продолжил Роб доверительным шёпотом. – Еще никто не жаловался.

После этих слов на скулах девушки всё-таки проступила краска. Свидание можно заканчивать. Никакого смысла в нём не было изначально, но свою дозу юмора Роберт получил. Однако девушка не собиралась уезжать так скоро. Спустя несколько секунд она снова взяла себя в руки и с немым вопросом стала осматривать стол.

– Здесь нет меню. Я возьму тебе чай, – великодушно предложил Роберт. – Или лучше кофе?

Луиза снова опередила его: рывком отодвинулась от стола и вскочила на ноги.

– Спасибо, я сама, – непреклонным тоном заявила она, уже направляясь к кассе.

Раз так, не стоит выкручивать даме руки. Потягивая свой чай, Роб наблюдал, как девушка остановилась возле стойки баристы, что-то тихо сказала, тыкая пальчиком в меню за спиной сотрудницы в фартуке, опустила руку на стойку и стала постукивать по ней коготками. Нетерпеливо, требовательно. Вернулась она довольно скоро: в одной руке несла чашку, в другой – тарелку с каким-то маленьким канапе. Отлично. Чтобы съесть канапе, много времени не понадобится.

Свидание продлилось еще десять минут. Разговор шел о работе. Её работе. Финансист в крупной корпорации, огромная нагрузка, нервное напряжение, нехватка свободного времени... Каждой репликой Луиза как бы намекала, что им не по пути. У неё впереди головокружительная карьера, в то время как Роб не поднимется выше, чем он есть. Ветеринарный врач. Очень благородная работа. Не всем же быть матёрыми дельцами, кто-то в мире должен лечить собачкам лапки. Если бы характер Робби был хоть на йоту тяжелее, разговор не продлился бы так долго. Но Роберт смотрел на девушку с юмором и жалостью. Он отчётливо представлял, как она загонит себя в яму уже через несколько лет, будет возвращаться в пустую квартиру,

есть безвкусную еду навынос и спать в лучшем случае по четыре часа. Но Луизе Роб ничего не сказал. Это не его проблема.

Когда девушка в красном плаще ушла, оставив на столе пустую чашку, Роб с ухмылкой посмотрел ей вслед, достал смартфон и, откинувшись на спинку стула, стал читать электронную книгу. До встречи со второй офисной акулой оставалось пятьдесят минут.

Лиз могла и не вспомнить про свидание, если бы не поставила будильник. Но даже когда он прозвонил, она пробурчала: «Еще пять минут» и продолжила работать над отснятым материалом, сделанным неделю назад. Она обещала отдать фотографии завтра. Если хочешь наработать клиентскую базу – выполняй обязательства. Некоторые люди любят радовать себя профессиональными фотосессиями, и очень здорово получить таких в постоянные клиенты. Пока Элизабет о таких только мечтала. За прошедший с увольнения месяц она успела поработать на двух свадьбах, снять четыре «лавстори» и одну очень беременную женщину, без конца целующую плюшевого медведя. На то, чтобы свести концы с концами, средств хватало, но благополучие было слишком шатким.

Будильник прозвонил второй раз спустя десять минут. И потом еще через десять. В его третью попытку Лиззи всё-таки оторвалась от фотографий и посмотрела на часы. Ей осталось сорок минут на сборы и на то, чтобы добежать до кафе в одной из гаваней Эйвона. Элизабет ни разу там не была. Раз уж ей выпала возможность назначить время и место встречи, она наобум нашла на карте что-то поближе к дому и сбросила адрес Неизвестному. По её расчётам, если бежать трусцой, можно добраться до гавани за пять минут.

Откинувшись на спинку стула, Лиз закрыла глаза и потёрла веки пальцами, прощупывая глазные яблоки. Повезло, если на них не образовалась яркая капиллярная сетка. Поколение «Y» привыкло подолгу пялиться в мониторы и экраны гаджетов, но всему есть предел. Покрутив головой в разные стороны, Лиззи свела лопатки, прогнулась, услышала характерный хруст. Прелесть какая. Прогулка и правда не повредит несмотря на то, что (точнее, кто) ждёт на другом её конце.

Встав со стула, Элизабет подошла к шкафу, открыла створку и скептически посмотрела на полки. Если бы сейчас здесь была мама, она бы взвыла от паники и безысходности. В шкафу лежало несколько почти одинаковых чёрных джинсов, футболки, джемпера и пуловеры всех оттенков серого, а еще несколько милитари-рубашек (на случай важных встреч). Всю офисную одежду Лиз затолкала в пакет и спрятала в угол. Хотела отдать в какой-нибудь центр для бездомных, но всё время что-то мешало.

А еще в шкафу было единственное платье. Чёрное, из плотного трикотажа, свободное, с длинным рукавом и более чем скромным вырезом. Передний его край доходил почти до колена, задний же был на несколько дюймов длиннее. Недолго думая, Лиз вытянула это платье с полки. Мама была бы в шоке. Она решила бы, что Элизабет специально саботирует свидание. В принципе, это недалеко от истины. Просто Лиззи было искренне плевать. Она собиралась извиниться перед молодым человеком за мамино поведение, мило поболтать и уйти без какого-либо продолжения.

Зайдя в ванную, Лиз встала перед зеркалом, стянула с коротких розовых волос резинку, распуская неряшливый пучок. Пряди упали симпатичными волнами. Прочесав волосы пальцами, Элизабет перекинула их на один бок, постояла возле зеркала несколько мгновений и направилась к выходу. Сунув ноги в тяжелые ботинки с ремнями и заклёпками, она надела парку, спрятала в карман мобильник, кошелек и ключи и вышла за дверь.

Хотела по привычке взять тяжёлый рюкзак, но вовремя опомнилась.

Лиззи не рассчитала силы. Пробежать трусцой полмили оказалось слишком сложно для бывшей офисной мыши. До гавани она добралась пешком, и заняло это не пять минут, а десять.

Но всё равно пришла раньше намеченного времени. Девушки вообще могут быть страшно пунктуальными, если им не нужно три часа гладить выходной наряд и рисовать лицо.

Фасад кафе ей понравился. Старинный камень, арочные окна в пол, а напротив – река и кораблики. На площадке у входа стояли столики, но за ними никто не сидел – сегодняшние тучи не располагали к посиделкам на улице. Пройдя мимо этих столиков, Лиз осторожно открыла дверь кафе и заглянула внутрь. Несмотря на то, что она пришла рано, где-то в глубине души жила уверенность, что парень уже здесь. Сделав нерешительный шаг, Лиззи придержала дверь, чтобы та не хлопнула, и остановилась, осматриваясь по сторонам. За одним столом сидела парочка, потягивая через трубочки латте. За другим – компания из четырёх девчонок. За третьим два школьника что-то бурно обсуждали. Четвёртый столик занимал один человек.

Парень. Большой. Он сидел боком к входной двери и ни на кого не смотрел. В одной огромной ладони он сжимал мобильник и был полностью погружен в изучение чего-то на экране. Элизабет сделала короткий шаг вперед. Рука, держащая смартфон, своей толщиной напоминала ствол молодого дуба, растущего за родительским домом в Кливдоне, а обтягивающая водолазка хорошо очерчивала литые бицепсы. Но самой примечательной чертой в молодом человеке были волосы, собранные в толстый пучок на макушке. Рыжий, почти медный пучок. А еще короткая рыжая борода.

Элизабет нервно сглотнула. Прищурившись, она попыталась всмотреться в профиль парня, и это только подтвердило догадки. Она уже видела этот профиль с прямым носом, причём не так давно. В тот раз рыжие волосы закрывала вязаная шапка, и Лиз не предполагала, что там прячется такая грива. Но зато бороду ничто не скрывало.

Из всех парней мама выбрала для неё именно этого. Как такое возможно? Хотя чему удивляться... Он ведь ехал в Кливдон, скорее всего, к матери, и она оказалась знакома с матерью самой Лиз.

Чудесно.

Элизабет хотела достать телефон и позвонить на номер Неизвестного, чтобы убедиться, что это он. Но передумала. Нечего тут проверять. Парень из Кливдона не мог сидеть в этом кафе по какой-то другой причине. Глубоко вдохнув и медленно выдохнув, Лиз сняла куртку, перебросила её через руку и нерешительной походкой направилась к столику.

– Привет, – тихо проговорила она, остановившись рядом и не осмеливаясь отодвинуть стул.

Коричневые ресницы взметнулись вверх, синие глаза непонимающе уставились на Лиззи. До этого он читал книгу. Ему понадобилось пара секунд, чтобы взгляд обрёл осмысленность, а коричневые брови медленно поползли на лоб, образуя горизонтальную морщину.

– Ягодка? – прогудел глубокий баритон.

Точно, Ягодка. Именно так он её тогда называл. Лиз уже привыкла к розовым прядям, но у людей они порой вызвали интересные ассоциации.

– Да, – кашлянула Элизабет. – Я Лиз, – она протянула руку для пожатия. – Элизабет Хэйл. Судя по всему, именно с твоей матерью моя играет в гольф.

Неизвестный медленно поднялся, не отрывая удивлённого взгляда от лица Лиззи, взял её ладонь и осторожно пожал. Будто боялся сжать слишком сильно. По мере того, как парень вырастал из-за стола, Элизабет начинала смотреть на него снизу вверх.

– Элизабет? – переспросил он. – Серьёзно?

Что не так с её именем?

– Ну... да, – настороженно ответила она.

Парень хитро ухмыльнулся одним уголком рта.

– Я Роберт. Дадли.

Лиззи не смогла задавить улыбку, проступившую на губах. Интересно, до какого возраста его подкалывали? А может, и не подкалывали. С его комплекцией это было бы опасно для жизни шутника.

Они так и продолжали стоять, как два истукана, пялясь друг на друга, однако Роберт быстро нашёлся и отодвинул второй стул, как бы предлагая Элизабет присесть. Она молча подчинилась, не зная, как реагировать. Впервые в жизни для неё отодвигали стул. Затем мощная ладонь отобрала куртку и повесила на спинку стула.

– Ты будешь чай или кофе? – прозвучал над ней баритон.

Лиз посмотрела вверх, встретившись взглядом с синими глазами.

– Кофе. Эспresso. Двойной. Если не трудно. Пожалуйста.

Роберт снова ухмыльнулся и отправился к стойке. Она, наверное, снова выглядела полной дурой. Всё шло не совсем так, как Лиззи предполагала. Она думала, что уверенной походкой зайдёт в кафе, непринуждённо извинится за выходку мамы, пошутит немного и уйдёт. Вместо этого она, смущённая и неуверенная в себе, сидела, зажимала ладони между коленей и ждала, когда парень-канадский-лесоруб принесет ей кофе. В общем, ничего удивительного, кроме последнего пункта. Смущённой и зажатой Лиз была всю свою жизнь.

Роберт снова появился рядом, легко пригнулся, опустил на стол два кофе и сел на стул напротив.

– Послушай, – сразу же начала Лиз. – Я хотела извиниться за маму. Это она написала те сообщения... Ну, то есть первые четыре.

Коричневые брови в который уже раз взлетели на лоб.

– Да, – продолжила Лиззи, нервно почесав кожу за ухом. – Сама я так не поступила бы. И раз уж представилась возможность, прости за тот раз.

Роберт разломал сахарный пакетик над своим американо.

– Какой «тот раз»?

Он что, уже не помнит, как подвозил её? Нет, помнит. Сам ведь назвал Ягодкой.

– Ну... тогда, в машине. Если я вдруг вела себя как-то не очень...

– Перестань, – отмахнулся парень. – Ты вела себя как монашка. За такое не извиняются.

Лиз почувствовала, как щёки начали гореть. Монашки ведь ведут себя хорошо? Это не было упрёком? Она потупилась, притянула к себе эспresso и с преувеличенным интересом взгляделась в его черноту.

– Это странно, – продолжил Роберт, размешивая сахар. – Мне сказали, что девушка, то есть ты, работает в какой-то фирме, офисе, то ли в бизнесе, то ли в юриспруденции... не помню. Зато помню твой рюкзак размером с тебя.

Вот чёрт. Её маленькая ложь начинает приобретать масштабы города.

– Я правда фотограф, – Элизабет тоже разломала сахарный пакетик, боясь поднять взгляд на собеседника. – И я правда работала в юридической фирме, помощником одного из старших партнёров. Но уволилась месяц назад.

– И всё ещё представляешься помощником юриста?

Лиз коротко прочистила горло.

– Нет, – сдавленно выронила она. – Просто родители не знают, что я там больше не работаю.

Ложечка замерла в большой ладони. Лиззи осмелилась оторвать взгляд от своего кофе и столкнулась с непонимающим взглядом синих глаз.

– Почему?

– Это была хорошая работа, – Элизабет нервно заложила волнистую прядь за ухо. – А фотография – это не престижно. Не хочу никого расстраивать. Надо сначала твёрдо встать на ноги, чтобы было чем похвастаться. И вот поэтому я хотела сказать тебе ещё кое-что...

– Ты, похоже, хорошо подготовилась, – ухмыльнулся Роберт.

Он правда любит улыбаться. Лиззи это не показалось тогда в машине. Улыбалось всё его лицо, а не только губы, и эта улыбка поражала. Кажется, что человек с такой внушительной внешностью должен быть хмурым и мрачным. А Роберт приятный. И, наверное, добрый.

Лиззи сделала маленький глоток эспresso, растягивая паузу, чтобы подобрать слова.

– Я не хотела свидания, – проговорила она, но тут же поняла, какую глупость сморозила, и быстро затараторила: – Не потому, что ты мне не нравишься! То есть, ты мне нравишься, ты симпатичный, но мне не нужны отношения! Я сейчас зациклена на работе, и мне некогда уделять внимание бойфренду, в другое время я бы, может, с радостью...

Лиз вдруг замолчала: ей в нос прилетел маленький комочек бумаги.

– Ягодка, успокойся, – прозвучал глубокий баритон. – Никто не склоняет тебя к династическому браку.

– Ты бросил в меня упаковкой от сахара? – с недоумением спросила Лиз.

– Чтобы прервать твой спич. Я мог выбрать другой способ тебя заткнуть, но мне сообщили, что целоваться с парнем, у которого кольцо в губе, может быть не очень приятно.

Глаза Элизабет помимо воли расширились, и она ошарашенно уставилась в озорное лицо. Он же шутит?

– Прости, – Роберт поднял руки в капитулирующем жесте. – Я забыл, что ты воспринимаешь мои шутки буквально.

Он сделал большой глоток американо, откинулся на стуле и скрестил руки на груди.

– Мне тоже не нужны отношения, – примирительно сообщил парень. – Точнее, не с маминной подачи. Я в состоянии сам найти себе подружку и не хочу поощрять маменьку. Ничего личного. Ты вообще-то милашка, – и он весело подмигнул.

Теперь не только щеки, но и шея Лиззи залилась краской. Скорее всего, сейчас цвет её кожи как никогда гармонировал с «пепельной розой».

– Так что перестань сидеть, как на бомбе, и пей спокойно свой кофе, – тем временем заключил Роберт. – Кстати, на эспresso лучше не налегать.

– Я мало сплю, – сообщила Лиз, медленно отходя от шока.

– Это не аргумент.

– В тебе говорит врач?

Роберт хмыкнул и покрутил чашку в пальцах.

– Я ветеринар. Это не одно и то же.

– Неважно, – пожалала плечами Лиззи. – Какая разница, кого спасать? Собачья жизнь иногда не дешевле человеческой.

– Твоя предшественница думала иначе.

– Моя кто?

– А-а, – протянул парень. – Ты же не в курсе... Ты вторая за сегодня. Моя мать в глубине души желает для меня гарем.

Элизабет издала смешок. Кажется, нервозность начала понемногу отпускать.

– Сочувствую, – проговорила она, спрятав улыбку в чашке.

– Не обиделась? – с подозрением в голосе спросил Роберт.

– На что?

– На то, что не единственная.

– Я вообще не хотела приходить, так что всё нормально.

Эспresso, хоть и двойной, быстро закончился. Лиззи исподтишка взглянула на чашку парня и увидела, что та тоже почти опустела. Кажется, пора домой. Они оба выполнили свою миссию и смогут с чистой совестью отчитаться матерям, что не подошли друг другу. Лиз отодвинула стул и аккуратно, чтобы не порвать колготы о деревянную столешницу, стала подниматься на ноги.

– Было приятно познакомиться, но я уже пойду. Завтра нужно сдать заказ, поэтому буду работать до... пока не выполню работу до конца.

Роберт мгновенно поднялся вслед за Элизабет, и не успела та потянуться к куртке, как он перехватил её, расправил и задержал в воздухе, молча предлагая надеть. Если бы это свидание было настоящим, Лиз могла бы влюбиться в одни только манеры парня.

– Спасибо, – смущённо пробормотала она, просовывая руки в рукава.

Забавное, наверное, зрелище. Внушительный, галантный молодой человек помогает девушке в тяжёлых ботинках, неэлегантном платье и с розовыми волосами надеть грубую парку. На её месте должна быть высокая красотка в мини. Но свидание ненастоящее, здесь и не могло быть красоти.

– Тебя проводить? – вскинул брови Роберт, подхватив свою куртку.

Неожиданное предложение. Хотя чему удивляться после всего, что он сделал до этого?

– Эм, нет, – проговорила Лиззи. – Я живу рядом. Всё нормально, не хочу тебя задерживать.

Он не ответил. Надел куртку, поправил ворот. Лиз чувствовала себя обязанной подождать его. Когда Роберт достал уже знакомую вязаную шапку, они вместе направились к выходу из кафе. Парень потянул на себя створку и пропустил Элизабет вперед. Дождавшись, когда она выйдет, сделал шаг вперед и остановился рядом. Оказавшись на улице, Лиз поёжилась, спрятала руки в карманы. И нащупала кошелек. Эспрессо!

– Слушай, – заговорила она. – Сколько я должна тебе за кофе?

Сначала к ней повернулась голова с рыжей бородой, а потом и весь мощный корпус. Коричневые брови опять взлетели вверх, образовав горизонтальную морщину на лбу.

– Ты серьёзно? – недоверчиво спросил Роберт.

Лиззи почувствовала себя душой. Скоро это станет привычкой.

– Ну да. У нас же было ненастоящее свидание.

– Не беси меня, Ягодка, – прогудел баритон.

– Но...

Парень скрестил руки на груди и устало закатил глаза.

– Толай уже, – приказал он.

И она потопала. Послушно, не зная, что возразить.

Дойдя до угла, Лиз непонятно зачем обернулась. Роберт стоял на том же месте. Поймав её взгляд, он подмигнул, натянул шапку ниже на лоб, спрятал руки в карманы и пошёл в противоположную сторону.

Глава 5

Чихуахуа Банни была хоть и маленькой, но злой. Это Роберт понял с первого взгляда. Её хозяйка прошла в кабинет, сразу направилась к столу и усадила на него Банни. Роб спокойно посмотрел на собаку, та в ответ грозно оскалилась.

– Я вас раньше не видел, – дружелюбно проговорил Роб, всё ещё глядя в выпученные собачьи глаза.

– Мы недавно переехали, да, Бан-Бан? – проворковала девушка, почесав маленькое зло за ухом.

Зло не отреагировало. Оно со всей возможной агрессией продолжало изучать большого рыжего незнакомца в белом халате.

– А-а, – протянул Роб, натягивая синие перчатки. – Тогда расскажите, какая она.

– О, она прелесть! Милая, спокойная, любит спать и есть всякие вкусности.

Роберт серьёзно сомневался в этой характеристике. Как бы подтверждая его сомнения, Банни снова оскалилась и глухо рыкнула. Собаку привели на прививку. Перед ней Роб стерилизовал кошку, а утром у него на приёме снова был йоркширский терьер со сломанной лапой. Тот же самый терьер – хозяева не уследили за питомцем. Обеденный перерыв уже прошёл, но пообедать Роберту до сих пор не дали. Если за дверью кабинета никто не умирает, то после Банни пора отдохнуть.

– Вы подержите свою милашку? – улыбнулся Роб, повернувшись к хозяйке.

С некоторыми животными это не обязательно, даже овчарки порой смирно лежат на столе, пока им под кожу вводят иглу. Но Роберт ясно видел ненависть в этих выпученных глазах. Если дать Банни волю, она сожрёт его на обед.

– А она не станет на меня обижаться? Не хочу, чтобы моя девочка думала, будто я её не люблю.

Робу было плевать на то, что подумает «девочка». Личная безопасность беспокоила его больше, чем чувства и терзания собаки.

– Не обидится, – почти искренне проговорил он. – Она же не увидит иголку в ваших руках.

Слабенький аргумент. Иногда животные действительно не сопоставляли боль и хозяина, но Банни дурой явно не была. Однако Роб не считал это своей проблемой.

Хозяйка недоверчиво посмотрела на Роберта. Он, стараясь подавить ухмылку, разломал ампулу с вакциной, распаковал шприц и, вставив его в ампулу, оттянул поршень. Девушка внимательно наблюдала за всеми его движениями, будто он собирался подмешать к препарату что-то противозаконное. Втянув в шприц всю жидкость, Роб развернулся и подошёл к столу.

– Ну что, обнимите Банни?

Девушка бросила взгляд на шприц, потом на собаку, вздохнула и подхватила питомицу на руки, развернув к себе мордой. Роберт тоже вздохнул. И ринулся в бой. Всё случилось быстро и почти без визга. Банни издала тихий, будто предсмертный стон, а когда игла вышла из её кожи, задрожала и вжалась в хозяйку.

– Милая моя, – залепетала та. – Малышка, всё хорошо. Видишь, доктор уже не обижает тебя, всё прошло.

Она подняла собаку к лицу и ткнулась своим носом в холодный и мокрый. Роб не верил, что всё закончится вот так, но собака продолжала трястись от страха и прижиматься к хозяйке, поэтому он позволил себе перестать опасаться и расслабился. Отойдя к тумбе с лекарствами и ящиками, Роберт выбросил использованный шприц.

– Спасибо, доктор Дадли, – девушка подошла к нему и остановилась на достаточно близком расстоянии. – Вы настоящий волшебник! Моя девочка почти не плакала!

– Ерунда, – отмахнулся Роб, снова заглядывая в умные выпученные глаза собаки.

И когда девушка уже хотела сделать шаг в сторону двери, добрая Банни вдруг как-то изловчилась, вытянулась и впилась зубами в предплечье Роберта. Он так и знал! Отскочив назад, резко втянул воздух через нос и сжал челюсть, чтобы не выругаться.

– Банни! – взвизгнула девушка, быстро выбегая из кабинета. – Фу! Плохая девочка! Разве так можно?

Роб задрал рукава халата и джемпера, чтобы осмотреть руку. Он мог поклясться, что псина улыбалась, скрываясь в дверном проёме. Имея опыт общения с животными и зная, что умные глаза не врут, Роберт должен был держаться подальше от чихуахуа до тех пор, пока она не выйдет из здания. А теперь на коже чуть ниже локтя горели два одинаковых маленьких прокола. Одежда смягчила укус и не дала зубам как следует вспороть руку, однако приятного всё равно мало.

Роберт подошёл к тумбе с препаратами, достал антисептик и щедро брызнул на укус. И снова сжал челюсть от очень даже ощутимого пощипывания. В заднем кармане джинсов зазвонил телефон и переключил всё внимание на себя. Роб вытащил мобильник, нажал на ответ и зажал трубку между плечом и ухом.

– Да! – рявкнул он в динамик, подхватив кусок ваты, прижав к ссадине и промокнув лишний антисептик.

– Малыш, я тебя отвлекаю? – пропел женский голос.

Маменька. Роберт свёл брови. Только не сейчас.

– Да, я на работе, – резко сказал он.

Но для мамы вопрос был чистой воды формальностью. На самом деле она не собиралась завершать разговор.

– Ох, прости, милый, но мне срочно нужно обсудить с тобой один вопрос.

Роб закатил глаза, выбросил в ведро вату, достал из ящика тюбик с мазью и несколькими быстрыми движениями отвинтил крышку.

– Ты же помнишь, что в выходные я устраиваю маленькую домашнюю вечеринку? – продолжала матушка.

Роб не помнил. Он вообще не знал.

– Я помню, что ты не собиралась праздновать день рождения, – всё так же резко проговорил он, выдавив немного мази на палец и прихлопнув к укусу. – Что изменилось?

– Робби, не будь таким злокой. Я передумала, и уже давно. Примерно неделю назад. Решила, что день рождения бывает только раз в году, и не стоит его игнорировать. Я не молодёжь, кто знает, сколько мне осталось...

– Мама, – оборвал её Роберт. – Я приеду в любом случае, мне всё равно, будет вечеринка или нет.

– Как замечательно! – воскликнула Мириам, будто он когда-то игнорировал материнский день рождения. – Тогда ты не будешь против, если я позову одну семью? Бакстеры. Ты их не знаешь, но они милейшие люди. У них есть дочь, ей двадцать два. Такая очаровательная девушка!

Роберт застыл с тюбиком в руках.

– О чём ты? – осторожно спросил он.

– Малыш, – мать фыркнула. – Ты бываешь таким непонятливым! Я говорю о тебе и Трэиси Бакстер, конечно же!

– И какая между нами связь?

– Пока никакой, но, надеюсь, она появится.

Чёрт бы всё побрал. Роб наконец завинтил крышку на тюбике и отшвырнул его в сторону.

– Мама, ты не можешь этого сделать.

– Но я их уже пригласила! Будет некультурно отменить приглашение!

Роберт тяжело вздохнул. Он опёрся пострадавшей рукой о тумбу с медикаментами, второй рукой перехватил телефон и закрыл глаза. Чёрт бы побрал мамину бурную деятельность! Она когда-нибудь закончится? Ответ нашёлся сразу: никогда. И есть только один способ это прекратить.

– Мама, я не могу уделять внимание Трейси Бакстер, потому что уже кое с кем встречаюсь.

Он сказал это наобум, серьёзно не обдумывая. У него не было времени на обдумывание. Роберт знал лишь, что не выдержит еще одного свидания по материнскому благословению. Раздумывая над своими словами, Роб не сразу обратил внимание, как тихо стало по ту сторону.

– Кто она? – спросила мама после паузы. – Я её знаю?

Он почувствовал, как на шее затягивается петля. Забирать слова назад поздно, а ответа на новый вопрос не находилось.

– Нет, – выронил Роберт. – То есть да... То есть...

Как же сложно врать маме! Она не стоит рядом и не видит лицо сына, но казалось, что даже на расстоянии в пятнадцать миль Мириам унюхает подвох.

– Так да или нет? – не отставала она.

– Да.

О последствиях он подумает, когда сбросит звонок.

– Это Элизабет Хэйл, – сказал Роберт и тихо протяжно выдохнул.

И снова в трубке стало тихо. Ненадолго.

– Малышка Хэйл? – недоверчиво переспросила Мириам.

– Ага.

– Но почему ты не сказал раньше? Я решила, раз ты молчишь, значит с теми девушками что-то не срослось, и нашла тебе новую...

– Ма-ам, – протянул Роб.

– Я так рада! Ты обязан привести её на вечеринку!

– Ну уж нет...

– Да! Сделай мне подарок.

Что возразить на такую просьбу? Нечего, абсолютно нечего. Роберт развернулся, привалился к тумбе и зажал пальцами переносицу. Он считал себя очень терпеливым. Как болотная черепаха, которая может пять лет жить без еды. Однако если этот разговор сейчас не закончится, из ушей Роба пойдёт пар.

– Мам, у меня пациенты.

– Робби, ты должен привести Лиззи.

– Пока, мам.

– Робби!

Это было последним, что он слышал, прежде чем сбросил звонок. Роб посмотрел на погасший экран и потёр лицо ладонью. Иногда он очень понимал отца, который ушёл из семьи к молодой любовнице. Но как только эта мысль закрадывалась в голову, одёргивал себя. Мать его любит. Просто этой любви бывает слишком много. И сейчас необходимо расхлёбывать очередные её последствия.

В дверной проём просунулась голова администратора Нэлл. Девушка деликатно кашлянула, привлекая к себе внимание.

– Доктор Дадли, – позвала она. – Там кошка с конъюнктивитом. Приглашать?

Роберт оторвал руку от лица.

– Через две минуты. Мне нужно позвонить.

Голова Нэлл кивнула и исчезла. Роб в очередной раз набрал полные лёгкие воздуха, в очередной раз шумно выдохнул, открыл телефонную книгу и нашёл контакт, который с недавних пор был обозначен как «Ягодка».

Роберт вышагивал перед закрытой дверью банкетного зала бристольского «Мэрриотт Отеля» и не решался войти. Из зала доносились речи и взрывы смеха, потом они сменились музыкой. Элизабет не отвечала на звонки. Она сама назвала Робу адрес и великодушно разрешила приехать, несмотря на явное удивление в голосе. Она абсолютно точно не думала, что еще когда-нибудь услышит Роберта. Сам Роберт тоже не предполагал, что ему придётся звонить по её номеру. Хотя сам номер сохранил. Зачем-то. Будто знал, что понадобится.

Сказать матери то, что Роб сказал, было импульсивным порывом. Почему в голову пришло именно имя Ягодки, он точно не знал. Она внушала доверие. Была последней девушкой, с которой Роберт виделся в неформальной обстановке. Не Луизу же называть, в самом деле! Элизабет Хэйл казалась милой, несмотря на иглы дикобраза. К тому же зажатой сверх меры, но общаться с ней намного приятнее, чем с её предшественницей. Подсознание само подбросило Роберту её имя в критический момент.

Дверь банкетного зала открылась, из неё выскочил официант в чёрно-белой форме и быстро зашагал куда-то в сторону.

– Эй, – позвал Роберт, подскочив к парню. – Эй-эй! Слушай, можешь мне помочь?

Официант остановился, посмотрел на Роба вопросительно и подозрительно одновременно. На бэйдже витиеватым шрифтом было написано «Ларри».

– Ларри, послушай. Там в зале должна быть девушка такая... розовая.

Брови парня флегматично дёрнулись.

– Ну в смысле волосы розовые, примерно такие, – Роберт провёл ладонью над плечом. – Можешь её позвать?

– А сам?

– А мне можно?

Ларри пожал плечами.

– Да всем плевать.

И он снова двинулся по холлу и скрылся в одной из дверей.

Роберт опять остался один в большом помещении, беспомощно уставившись на закрытую дверь. Там проходила чужая свадьба. Насколько прилично вламываться на чужую свадьбу? На просьбу поговорить Элизабет заявила, что работает, и если Роб не хочет говорить по телефону (а он не хотел, боясь, что она бросит трубку), то может приехать в «Мэрриотт Отель». Он приехал. А Ягодка больше не выходила на связь.

Дверь, будто подчиняясь ментальной команде, снова открылась. Из неё выплыла фигура, закутанная в меховое манти и с тюрбаном на голове. Из-под длинного платья, похожего на хвост русалки, выглядывали ярко-алые туфли. Фигура обернулась, и Робу стало видно лицо. Старое, морщинистое, с красной помадой на тонких губах. В руках – изогнутая табачная трубка. Если бы не важное дело, Роберт мог бы и дальше беззастенчиво пялиться на старую эксцентричную леди, но желание побыстрее решить проблему подтолкнуло его вперед.

– Простите, – на ходу позвал Роб.

Леди, которая уже направилась к выходу из холла, остановилась и, задрав подбородок, застыла в величественной позе.

– Простите, – повторил Роберт, оказавшись рядом. – Не хотел отвлекать, но мне нужно спросить. Там в зале должна быть девушка. Мелкая, худая, с розовыми волосами. Она фотограф...

– Ты её жених? – перебила его старая леди.

– Я... э-э... – Роб почесал шею. – Нет. Знакомый. Мы договорились встретиться, но она не отвечает на звонки.

– Девочка работает.

– Да. Конечно. Простите за бестактность, но вы не могли бы её позвать? Не хочу вмешиваться в ваш праздник.

Леди вдруг потеряла весь свой суровый вид и совершенно по-девичьи отмахнулась.

– Перестань, мальчик, – возразила она. – Ты можешь войти и украсть кусок торта, никто и не заметит! Но раз такой стеснительный, я позову малышку. Такая милая девочка...

Она развернулась на каблуках и поцокала в обратном направлении. Войдя в зал, леди оставила дверь открытой, и Роберт посчитал, что ничего ужасного не случится, если он заглянет внутрь. Свадьба была в разгаре. Жених вытанцовывал с какой-то женщиной в вечернем платье. Невеста – с мужчиной в смокинге. Белое платье она придерживала на уровне коленей в белых чулках, а весь её танец напоминал что-то вроде буги-вуги. Гости танцевали рядом. Несколько человек оставались за столами и меланхолично тянули шампанское, но остальная масса весело зажигала в центре зала.

И во всей этой пёстрой толчее, с фотоаппаратом возле лица почти незаметно скользила маленькая тень в свободно падающем с узких плеч джемпере и чёрных джинсах. Если бы не одна деталь, взгляд вообще не цеплялся бы за это тёмное пятно. Но пятно венчала яркая малиновая шапка с веселым помпоном размером с яблоко. На фоне этой шапки бледно-розовые пряди уже не казались чем-то необычным.

Старая леди уже была возле Ягодки. Она, не церемонясь, ткнула девушку в плечо табачной трубкой, и та чуть не подпрыгнула на месте от неожиданности. Леди о чём-то заговорила, Элизабет сдвинула бровки, взгляд её стал блуждать по залу и мгновение спустя остановился на Роберте. Она несколько раз покрутила головой в разные стороны, будто убеждаясь, что никому не нужна, и полетела к выходу. Фотоаппарат повис в районе солнечного сплетения.

– Я всё понял, – проговорил Роб, когда девушка на полном ходу буквально вынесла его из зала и захлопнула за собой дверь. – Ты постирала свою голову в одной машинке с шапкой, и она окрасила волосы.

Элизабет отступила на шаг, скрестила руки на груди, серьёзно уставилась в его лицо. Чёрт, она же воспринимает всё буквально! Придётся это куда-то записать на будущее.

Светло-карие глаза изучающе прищурились.

– Боюсь предположить, с чем постирал голову ты.

Роб удивлённо моргнул. Потом еще раз. А Элизабет Хэйл, оказывается, способна отбить подачу! И прежде, чем он коротко хохотнул, девушка подняла камеру и щёлкнула кнопкой затвора.

– Теперь-то мне можно пойти покурить? – проскрипел рядом старушечий голос.

Роб обернулся, встречаясь с хитрым взглядом блеклых серых глаз. Когда она успела подойти?

– Да, мэм.

– Спасибо, красавчик.

Леди похлопала Роберта по плечу и величественно поплыла к выходу. Когда Роб повернулся к Ягодке, она огромными глазами смотрела вслед удаляющейся старухе.

– Эта карга весь вечер смотрит на меня, как на врага, – пробормотала Элизабет. – Как ты это делаешь?

– Она же сказала, я красавчик. А тебя назвала милой.

– С кем-то перепутала, – пробурчала девушка. – Зачем приехал?

Ах да. То самое дело, из-за которого Роб сразу после работы бросился на чужую свадьбу. Стоит приготовиться ловить убегающую вдаль розовую девочку.

– Я сказал матери, что мы встречаемся, – выпалил Роберт, внимательно глядя на Элизабет.

Вот сейчас точно будет побег. Она вскинула голову и заглянула ему в лицо, малиновый помпон бойко дёрнулся назад.

– Какого чёрта?

– Ты всегда так выражаешься? – вздёрнул бровь Роб. – Нам придётся пересмотреть твой лексикон, Ягодка.

– Я спрашиваю: какого хрена? Не твоё дело, как я разговариваю!

– Ты теперь моя девушка, так что твои выражения меня очень беспокоят.

– Роберт! – Элизабет уперла маленькие кулачки в бока, ворот джемпера соскользнул с плеча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.